

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

АЛТАИСТИКА ALTAISTICS

№ 1 (08)
2023

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (08) 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотов*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шаммаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2023

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (08) 2023

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastirev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvf.u> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Ефремова Н. А.</i> Саха тылыгар сомоҕо домох лиэксийэли уонна кырамаатыкалы суолтата=О лексико-грамматическом значении фразеологизмов якутского языка	5
<i>Осорова М. А.</i> Когнитивные механизмы наименования лекарственных растений в якутском языке	16
<i>Прокотьева С. М.</i> Сопоставление образности фразеологических единиц с компонентом «снег» в якутском и немецком языках	26
<i>Филиппов Г. Г.</i> Категория притворства и симулятивности в якутском языке	37

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Игнатьева Н. Э., Манчурина Л. Е.</i> Передача содержания оригинала драматического произведения «Король Лир» У. Шекспира в переводах Б. Пастернака на русский и С. Тарасова на якутский языки	52
---	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Васильев И. Ю.</i> II Международная научно-практическая конференция «Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков», посвященная 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата филологических наук, доцента Ю. И. Васильева-Дьаргыстай	62
<i>Манчурина Л. Е.</i> Федорова Вера Сергеевна – исследователь якутского речевого этикета	66

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Efremova N. A.</i> On the lexical and grammatical meaning of phraseological units in the Yakut language	5
<i>Osorova M. A.</i> Cognitive mechanisms of naming medicinal plants in the Yakut language	16
<i>Prokopieva S. M.</i> Comparison of figurative meaning of phraseological units with the component ‘snow’ in Yakut and German	26
<i>Filippov G. G.</i> Category of pretense and simulation in the Yakut language	37

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

<i>Ignatieva N. E., Manchurina L. E.</i> Transfer of the original content of the Shakespeare’s <i>King Lear</i> in the Pasternak’s Russian translation and Tarasov’s Yakut translation	52
--	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Vasilev I. Yu.</i> II International Scientific and Practical Conference “Comparative study of Turkic languages” dedicated to the 70th anniversary of the birth of the famous Turkologist, public figure, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Yu. I. Vasilev-Dyargystai	62
<i>Manchurina L. E.</i> Vera Sergeevna Fedorova, researcher of Yakut speaking etiquette	66

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.32.50.001

УДК 811.512.157(373)

Н. А. Ефремова

Саха тылыгар сомоҕо домох лиэкстикэлиин уонна кырамаатыкалы суолтата=О лексико-грамматическом значении фразеологизмов якутского языка

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: Enadin1979@mail.ru

Аннотация. Статья представляет сбор фразеологических единиц, не вошедших в словари фразеологизмов якутского языка Н. С. Григорьева и А. Г. Нелунова. Большинство фразеологических единиц употребляется в разговорной речи старшего поколения; некоторые из них общеупотребительны, но нигде не зафиксированы. Ввиду сложности и значимости изучения фразеологизмов должно внимание уделено толкованию значений и грамматической принадлежности. Собрана 121 фразеологическая единица: из них 9 по своему значению близки к имени существительному, 31 – имени прилагательному, 18 – наречию, 6 – причастию, 48 – глаголу, 9 – устойчивые модальные выражения. Информантом выступил знаток и носитель родного (якутского) языка и фольклора Никитина Матрена Афанасьевна (1920-2015), уроженка Тойбохойского наслега Сунтарского улуса. Сбор материала начался еще в 2000 г. во время летней фольклорной экспедиции в одном из отдаленных районов Вилюйского бассейна. Использован описательный метод с применением приемов сбора, лексико-грамматической классификации и перевода на русский язык. Источниковедческую базу данного исследования составили труды ученых-исследователей П. А. Афанасьева, А. Г. Нелунова, Н. С. Григорьева, Л. М. Готовцевой в области лексикологии якутского языка. Область применения результатов: а) может быть использован при разработке и обновлении фразеологического словаря для школьников, а также академического учебника по лексикологии якутского языка; б) выводы и материалы могут служить основой вузовских дисциплин в изучении родного (якутского) языка. В результате исследования мы приходим к выводу, что фразеологические единицы якутского языка имеют сложную семантико-синтаксическую структуру, а также стилистическую функцию широкого спектра.

Ключевые слова: якутский язык, разговорная речь, фразеологизмы, национально-культурный колорит языка, лексико-грамматическое значение, модальное значение, стилистический оттенок.

Для цитирования: *Ефремова Н. А.* Саха тылыгар сомоҕо домох лиэкстикэлиин уонна кырамаатыкалы суолтата=О лексико-грамматическом значении фразеологизмов якутского языка // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.32.50.001>

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, Ammosov North-Eastern Federal University.

N. A. Efremova

On the lexical and grammatical meaning of phraseological units in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: Enadin1979@mail.ru

Abstract. The article presents a collection of phraseological units that were not included in the dictionaries of phraseological units of the Yakut language by N.S. Grigoriev and A.G. Nelunov. Most phraseological units are used in colloquial speech of the older generation; some of them are commonly used, but are not recorded anywhere. In view of the complexity and significance of the study of phraseological units, due attention is paid to the interpretation of meanings and grammatical affiliation. 121 phraseological units were collected: 9 of them are close in meaning to a noun, 31 – to an adjective, 18 – to an adverb, 6 – to a participle, 48 – to a verb, and 9 are stable modal expressions. The informant was Matrena Nikitina (1920-2015), a native of Toibokhoi community, Suntarsky District, an expert in Yakut folklore and native speaker of Yakut. The collection of data began back in 2000 during a summer folklore expedition in one of the remote areas of the Vilyui basin. A descriptive method was used with the use of collection techniques, lexical and grammatical classification and translation into Russian. The source base of this study was the works of researchers P.A. Afanasiev, A.G. Nelunov, N.S. Grigoriev, L.M. Gotovtseva in the field of the Yakut lexicology. Scope of the results: a) can be used in the development and updating of a phraseological dictionary for schoolchildren, as well as an academic textbook on the Yakut lexicology; b) conclusions and materials can serve as the basis of higher education disciplines in the study of the native (Yakut) language. As a result of the study, we come to the conclusion that phraseological units of the Yakut language have a complex semantic-syntactic structure, as well as a wide range of stylistic functions.

Keywords: Yakut language, colloquial speech, phraseological units, ethnic and cultural flavor of the language, lexical and grammatical meaning, modal meaning, stylistic connotation.

For citation: *Efremova N. A.* On the lexical and grammatical meaning of phraseological units in the Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.32.50.001>

Кириитэ

Тылга, санарар санаба сомоболоһон үөскээбит олобурбут ситимнэр хайа да омук тылыгар чинчийээччилэр болжомтолорун тардаллар. Маннык ситимнэри саха тылыгар сомобо домох диэн тиэрмининэн бэлиэтиибит. Саха тылыгар маннык олобурбут ситим тылга туттулларын туһунан өссө О. Н. Бётлингк, Э. К. Пекарской үлэлэригэр киллэрэн, бэлиэтээн тураллар. «Саха фразеологиятын сайдыытын иннинээҕи кэм» диэн ааттыыллар [1, с. 60].

Саха тылын үөрэбэр сомобо домох учуонайдар болжомтолорун тардыбыт кэмэ ХХ үйэ 60-70-с сыллара «классический период развития фразеологизмов» диэн ааттыыллар. Бу кэмтэн саҕалаан саха тылын сомобо домобо лиэкстикэ биир бэлиэ аранатын быһыытынан ойуччу көрүллэн, өйдөбүлү чопчуланан үөрэх кинигэлэригэр киирэр, тылдыт оноһулар.

П. С. Афанасьев быһаарарынан, икки эбэтэр хас да тыл өйдөбүлү уус-ураннык хоһуйан этэр холбуу суолталаммыт ситимэ сомобо тыл дэнэр. Бастаан үөскүүллэригэр сомобо тыллар баар чачыгтан, туох эмэ событиеттан, көстүүттэн төрүттээхтэрэ мунааба суох. <...> Кэпсэтиигэ, норуот айымньыларыгар уонна уус-уран литератураҕа үйэлэр усталарыгар биирдиилээн үөскээн олобураллар [2, с. 31]. Саха тылын сомобо домобун анаан чинчийбит А. Г. Нелунов маннык быһаарар: «Фразеологизмы – это устойчивые, воспроизводимые, раздельнооформленные образования с целостным (реже – частично целостным) переносным значением, функционально близкие к слову, обладающие экспрессивно-эмоциональной выразительностью и не моделируемым характером семантики. Как один из видов устойчивых словесных комплексов, они имеют общие с другими их разрядами призна-

ки: 1) устойчивость лексического состава; 2) устойчивость порядка компонентов; 3) и как следствие этого – воспроизводимость в целостном виде» [3, с. 25].

Саха тылыгар тыллар халбаннаабат ситимнэрин аан бастаан хомуйбут учуонайынан Н. С. Григорьев буолар. Кини 1974 с. тахсыбыт «Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдыта» барыта 3000 тахса лексеманы хаппыта. Ааптар аан тылыгар тыллар халбаннаабат ситимнэниилэрин хас да бөлөххө араарар: 1) сомоҕо домох (фразеологические единицы); 2) арахсыбат быһаарылар (постоянные определения); 3) өс хоһоонноро (половицы); 4) өс домохторо (поговорки); 5) сомоҕо ааттар (лексические единицы); 6) баараласпыт тыллар (парные слова); 7) тыллар ситимнэхэр халбаннаабат киэптэрэ (устойчивые модели сочетания слов) [4, с. 4].

Тыллар халбаннаабат ситимнэрэ хайа да омук тылыгар, саҕарар саҕатыгар кытаанахтык олохсуйбут, тыл баайын, уратытын, уус-уран кыабын кэрэһилиир үөрүйэҕин, бырабылатын, сокуонун курдук өйдүөххэ сөп. Манна даҕатан эттэххэ, сомоҕо домох норуот былыр-былыргыттан туттан кэлбит тылын баайын саппааһа, харыстанар суолталаах этигэн кэрэтэ буоллаҕа.

1990-с сыллартан сомоҕо домох бэлиэтиир суолтатын уонна үөскээбит тутулун чинчийи тохтоон, аныгылыы сыһыан олохсуйар. Маны «неклассический период развития фразеологии» диэн ааттыллар [1, с. 60]. Аныгы кэм үөрэхтээхтэрэ Л. М. Готовцева, С. М. Прокопьева, Т. Н. Николаева саха фразеологиятын сонун хайысхаҕа киллэрэн, нуучча, ньиэмэс тылларын кытта холуу тутан антропологияҕа, лингвокультурологияҕа, когнитивнай лингвистикаҕа хабааттыбытара. Ол, биллэн турар, сонун түмүктэри онорорго көмөлөспүтэ.

Сомоҕо домоҕу билиҥни кэмнэ нуучча уонна ньиэмэс тылын кытта тэнни тутан чинчийбит Л. М. Готовцева быһаарарынан, сомоҕо домох диэн тыл көнүл ситимнэһииттэн, тылга үөрүйэх буола олохсуйбут холбоһуктартан, холбуу тылтан үөскээбит тизминнэртэн, сыһыаны көрдөрөр тыллар ситимнэһиилэриттэн үөскээбит кэрчиктэртэн, кубулуйбат быһаарылартан, кынаттаах тыллартан, тыл кырамаатыкалыы халыыбыгар олохсуйан үөскээбит холбоһуктартан, өс хоһоонуттан, өс номоһуттан, тыллар халбаннаабат киэптэрин ситимиттэн атын айылгылаах лиэкстикэ биир туспа араната («объективно существующий особый разряд языковых единиц») [5, с. 75].

Кэлинни кэмнэ сомоҕо домох кэпсэтии тылыттан сүтэн, көхтөөх туттууттан тахсан, тылдыкка эрэ хаалбыт уус-уран киэргэтии эрэ курдук сыаналыыр, өйдүүр буолбуппут ийэ тыл иинэр төрүөтэ дирибит оруннаах. Дьинэр, сомоҕо домох – киһи тыла төһө ууһун, хомоҕойун туоһулуур, уус-уран истиил, саҕарар саҕа дэгэтин, киһи сыһыанын көрдөрөр хойуу кырааскалаах лиэкстикэ биир саамай этигэн араната буолар.

Чинчийиит сонун буоларын туһугар, урут хайа да тылдыкка кирибэккэ хаалбыт уонна киэнник тарҕамматах, Сунтаар улууһун аҕа көлүөнэ дьоно туттар түөлбэ сомоҕо домоҕун хомуйдубут. Ол эрэн анардас Сунтаар түөлбэтэ эрэ буолбакка, дьон бары билэр буолан баран, сурукка тиһилибэккэ хаалбыт, суолталара хайа да источникка быһаарыллыбатах сомоҕо домоҕо элбэх. Наардырбытыгар этиигэ туох суолталаахтарынан көрөн, ханнык саҕа чааһыгар ордук хабаатталларынан араардыбыт. Билэрбит курдук, сомоҕо домох этиигэ чаас-чааһынан арахсыбакка биир чилиэн курдук өйдөнүллэрин тоһоҕолоон бэлиэтиэхпитин наада. Холобур: Күтүөттэрэ буоллаҕына *аҕабыттаахха уур-субут хара улар курдук* баһык уһукка дьоһумсуйа туттан олоһута (сэһэнтэн). Бу этиигэ сомоҕо домох *хайдах олоһута?* диэн сыһыат суолтатыгар туттуллубут, сиһилии – ойоһос чилиэн буолбут. Көнө суолтата таба өйдөнүн диэн, нууччалыы быһаарыытын биэрдибит.

Аатгыйбыт суолталаах сомоҕо домохтор

Сорох сомоҕо тыллар уус-уран суолталара умнуллан өйдөбүл быһаччы аатыгар кубулуйохтарын сөп. Билинни тылга, холобур *атах балай* (биллибэт хайысханан туох да сыала-сорууга суох бар) диэн итиннэ чугас. Ол эрэн бу тыл этиигэ киирдэбинэ суолтата уларыыйан эмиэ сөп. Холобур: Ойон тура экирээтим да, мин мээнэ, *атах балай* тыа устун, дьээм диэки буолаарай диэн, сүүрэн истим (Н. Неустроев). Манна *хайдах сүүрэн истим?* туохтууру быһаарар сыһыат суолтатын ылыммыт, этиигэ сиһилии буолбут.

Аат өйдөбүлүн бэлиэтиир сомоҕо домохтор үксүн компоненнарыгар аат тыл сылдыһар. Холобур:

Атах [ойоҕос] тостор уочарат – олус элбэх киилээх халын уочарат ‘очень длинная, многолюдная очередь’. Кэм-кэрдии ааһан истэбин аайы сомоҕо домох сорох компоненна уларыыйан сөп. Итинник холобуру нуучча фразеологиятыгар эмиэ көрөбүт, холобур: ‘голове / руку даю на отсечение’. Дарбаты түмүгэр үөскээбит кубулуйбат эпитет курдук көрүллүөн эмиэ сөп.

Бас хайдарынан – олус улахан тыас туһунан этии ‘о слишком громком шуме (например, музыка)’. Суолтатынан манна чугас *хабарбата / бэлэһэ хайдыабынан* ‘во все горло’ [3, с. 318] диэн сомоҕо домох тылдыкка киирбит. Иккис компоненна аат туохтуур туттуу түһүккэ туттуллан, халыыпка киирбит ситим курдук көрүөххэ сөп. Суолтата «олус улахан-нык, туох баар күүс мунунан» диэн.

Имэ-тимэ биллибэт – чуолкайа суох, саарбах дьыала туһунан ‘неясный, не совсем понятный, не точный (о деле)’.

Киһи унуоҕа хааннырбат – улахан ыарахана суох, сыра-сылба эстибэт үлэтэ, соруудаҕа ‘о легкой работе, которая не требует особых усилий’.

Куһаҕан хойдоох – ойоҕор эбэтэр эригэр өлүүлээх, хаста да огдообо хаалбыт эр киһи эбэтэр дьахтар туһунан этии ‘черный(ая) вдовец / вдова’.

Ыт иллэн – күн дьарыга суох буолуу ‘абсолютная свобода, непринужденность, беззаботность’.

Ыт тиһинэн – кыайар сирэ, тугунан бэрдэ; *букв. пер.* ‘собака зубами сильна’.

Ыт убаҕа – элбэх киилээх улахан этиһии, айдаан, иирсээн ‘большой скандал, раздор’.

Ыт хамнаһа – олус кыра хамнас ‘о мизерной зарплате’.

Даҕааһын суолталаах сомоҕо домохтор

Даҕааһын суолталаах сомоҕо домох саха тылыгар киһи майгытын-сигилитин бэлиэтиир ис хоһоонноох. Үксүн *курдук*, *дылы* диэн эбиискэлээх туттуллар. Сиилээн-одуулаан эбэтэр хайҕаан этэр дэгэттээх. Этиигэ даҕааһын эрэ буолбакка, аат тыл, сыһыат суолтатыгар туттуллуохтарын эмиэ сөп. Холобур: *Солуута суоҕу* сангарар. – *Тугу* (аат т.) сангарар?

Баарга баппатах – сиэри таһынан, куһаҕан майгылаах, быһыылаах-тутуулаах киһи туһунан сөбүн, кэлэйэн этии ‘о непорядочном плохом человеке с дурными нравами и привычками’. Билинни кэмнэ дьон көхтөөх тылыгар туттуллар.

Биһир шингэ киириэх курдуктар – олус иллээх, доҕордуу дьон туһунан этии ‘об очень близких друзьях; так крепко дружат, что в один день в одну могилу лягут’. Дарбаты, онорон көрүү түмүгэр үөскээбит сомоҕо домох.

Көтөх мунунан – сиэри таһынан элбэх ‘слишком много; целая охапка’.

Кыра ычалаах – улахан өйө, сайдыыта, билиитэ суох кыра киһи туһунан ‘о недалеко, маленьком человеке (имеется в виду уровень его развития и культуры)’.

Маһы ыллаппат эрэ – талааннаах мас ууһун туһунан ‘об искусном плотнике’; *букв. пер.* ‘когда он прикоснется, дерево только не поет’.

Муох курдук – сиэри таһынан элбэх ‘слишком много; очень много словно мох’.

Обус таһаба түһэрин кэтэспиккэ дылы [Обус сымыгыта түһэрин кэтэспит саһылга дылы] – куруук кимтэн эмэ тугу эмэ кэтэхэр инсэлээх киһи туһунан ‘о скупом, алчном человеке, который постоянно ждет подачку’.

Сирэйэ таал курдук – буола турар быһыыны-майгыны сөбүлээбэккэ, уорастыйан олоppор санатыттан маппыт киһи туһунан ‘лицо без выражения, эмоции (обычно о человеке, который недоволен обстановкой, не согласен с мнением собеседника)’; *эквив.* ‘сидит как истукан’.

Солуута суох – дьоһуна, үтүөтэ, олоҕо суох ‘бесполезный, несерьезный; ерунда’.

Сотуун сотон ааспытын курдук – кураанахсыйбыт, көтөрө-сүүрэрэ, кыыла-сүөлэ суох дойду, сир-уот туһунан; *букв. пер.* ‘словно сама смерть прошла (о безлюдной, без животных, опустошенной земле)’.

Уутун кыаммат – сарсыарда эрдэ уһукта охсубат, турбат, уук киһини этэллэр ‘человек, который с трудом просыпается рано; просоня’.

Түгнэри сүргүөх – барытын төттөрү этэр, хадаар майгылаах киһи туһунан ‘задира; человек, который все делает наоборот, наперекор кому-либо’.

Үрүң күүгэн аллар – бэйэтин арбанар киһи туһунан ‘о чванливом, хвастливом человеке’.

Үрүңү-хараны араарбат – үчүгэйи-куһаҕаны араарбат татым өйдөөх ‘человек, который не может различить хорошее от плохого; недоразвитый’.

Хонор хаас курдук – улаатымсык, кэпсэппэт, үрдүктүк туттар киһини этэллэр ‘о высокомерном, неразговорчивом человеке’; *букв. пер.* ‘словно гусь-гуменник’.

Бынах кутуругун курдук – түөлб. үгэргээн этии туох да күтүүннээҕи онгорбот, тус санаата, олоххо көбө суох киһи туһунан *диал. ирон.* ‘о безынициативном, неактивном, не проявляющем собственного мнения человеке’.

Бытыһыгар дьоллоох – сүүйүүлээх оонньууга куруук кыайар, баартаах киһини этэллэр ‘фартовый’.

Бытар ыт – кэрээн, көгөс киһи туһунан ‘жадина, скряга, скупой’.

Эмэхэтин бүүрүгэр ханпыт сааба да суох – үбэ, баайа-дуола суох киһи туһунан сэнээн, үгэргээн этии; *пренебреж.* ‘о человеке, не имеющем материальных, финансовых благ’.

Эмиийдээх оҕоҕо дылы – туохтан эрэ тардылыктаах киһи туһунан ‘о зависимом от чего-либо человеке’; *букв. пер.* ‘словно грудной ребенок, который никак не может обходиться без молока матери’.

Сыһыат суолталаах сомоҕо домохтор

Сыһыат суолталаах сомоҕо домохторго үксүн хайааһын хаһан, хайдах, төһө өр оноһуллубутун бэлиэтиир тыллара киллэрдибит.

Аҕабыттаахха уурсубут хара улар курдук – улаатымсык, бэрдимсик киһи туһунан ‘о горделивом, высокомерном человеке’; *букв. пер.* ‘словно глухарь, которого подают в качестве дорогого гостинца батюшке (попу-священнику)’.

Былыр саха ыала аҕабыт кэлиэ диэн (оҕо сүрэхтии, өлбүт киһиэхэ малыыппа ааҕа, абааһыны үүрэ) улары хантачы тонгорон тоһуйаллар эбит. Маннык аһынан күндүлээһин мааны ыалдьыты ытыктыылларын, убаастыылларын бэлиэтэ буолар.

В старину якутская семья приглашала попа-священника, чтобы тот крестил детей, читал молитву для покойника или же изгнал беса, и в знак уважения угощали его вкусным блюдом, приготовленным из жирного глухаря. Гостинец готовили заранее и дичь замораживали, вытянув шею вверх, чтобы придать важный, вожделенный вид.

Бу холоон этии түмүгэр үөскээбит сомоҕо домох.

Аат харата – баҕатыһан буолбакка, кыһалбаттан тугу эмэ гынарга күһэллии; нэһиилэ ‘неохотно; не хотя делать что-либо’.

Барыта им-тим – аһаґастык буолбакка, кистии-саба, сири аннынан ‘втайне, не придавая широкой огласке; не отчетливо ясно’.

Баһа саллангырыын тухары – тыыннаағын, кыахтаағын тухары кэмнэ ‘пока есть силы; до тех пор пока голова торчит на плечах’.

Бишр күөһү хаайан (олоруу) – кыттыгас аһаан-таннан олорор дьукаахтыылар тустарынан этии; *букв. пер.* ‘кушать из одной плошки’.

Бэрэ суох – түөлб. улахан көбө, сэниэтэ суох *диал.* ‘без особого интереса, энтузиазма’.

Доро көр – түөлб. атынгыры, сөбүлээбэтэхтии туората көр *диал.* ‘смотреть косо, проявляя недовольство’.

Ийэттэн түспүтүнэн – кус сыгыннах ‘голый, нагой’; *эквив.* ‘в чем мать родила’. Баар чахчыга олобуран холоон этии түмүгэр үөскээбит сомоґо домох.

Нам-нум буолтун кэннэ – уоскуйбутун, олох урукку отуругар киирбитин кэннэ ‘когда все утихомирится, встанет на свои места’.

Өйө-төйө суох – олус ылларан туран тугу эмэ оноруу ‘позабыв обо всем, фанатично, озабоченно делать что-либо, заняться чем-либо’.

Өрт уотунуу [өрт уота сииринии] – балысхан түргэнник, биирдэ ‘моментально, очень быстро’; *букв. пер.* ‘словно пал, который сжигает траву’.

Сойо илигинэ – сылааһына, умнулла илигинэ, тутатына ‘пока не поздно’; *эквив.* ‘не отходя от кассы’.

Солубатыгар эрэ – барбах; харағы баайан эрэ, таах боруобаґа ‘делать что-либо для отвода глаз, невсерьез’.

Тишин быһынан – улаатымсыһан сэнээбиттии; абаккаран кэпээтии ‘говорить сквозь зубы, затаив ненависть, презрение, пренебрежение’.

Харахта-тэстэ (харахта-симнэ) – түөлб. эр санааны киллэрэн, синэ биир диэбиттии эмискэ тугу эмэ оноруу *диал.* ‘набравшись храбрости, внезапно сделать что-либо’.

Хол даары – түөлб. улаханлык ыгылыыбакка, холкутук (холобур, үлэлээ) *диал.* ‘спокойно, умеренно, не напрягаясь (например, работать)’.

Ыт салаабытын курдук – туох да хаалбатах, ордубатах, кураанахтаммыт ‘ничего не осталось, пусто; словно собака слизнула’.

Аат туохтуур суолталаах сомоґо домохтор

Киһини билэр-билбэт – олус сылайбыт, эстибит, утуктаабыт, ыалдыбыт (киһи туругун туһунан) ‘сильно устал, изнеможден, в полусне, в сумеречном состоянии’.

Молуой буолбут – эргэрэн туһаттан тахсыбыт, сыппаабыт, элэйбит тутар сэп-сэбиргэл туһунан (сүгэ, быһах) ‘о вышедшем из строя, притупившемся бытовом инструменте (топор, нож)’.

Моонньоох баһа чорбойбот – үлэбэ баттаппыт, солото суох киһи туһунан ‘не имеющий свободного времени, очень занятой человек’.

Таағы буолбут – иилистибит, нэбирбит (киһи баттағын эбэтэр түүлээх танаһы этэллэр) ‘о спутавшихся волосах или облезлой меховой одежде’.

Туора кулгаах – атын киһи истибэтигэр; *букв. пер.* ‘не говори при чужих ушах’.

Ууга суруйбут курдук – долоґойугар туох да түспэтэх, кураанах (суолтата уларыйбыт) *калька* ‘вилами по воде писано’.

Туохтуур суолталаах сомоґо домохтор

Туохтуур хайааһыны бэлиэтиирин быһыытынан туох эмэ дьайыыны, туттууну-хаптыыны, хамсаныыны эбэтэр киһи туругун күүһүрдэн ойуулуур сомоґо домох элбэх. Аллараа бэриллибит холобурдар, дьинэр дьон тылыгар-өһүгэр, уус-уран айымньыга туттуллар

буолан баран, тылдыкка кирибэтэхтэрэ болжомтону эрэйэр. Онон бу сомоҕо домохтору суолталарын толору быһааран холобурдууру наадалаагынан ааҕабыт.

Адаа-будаа буол – биир тылы булбакка ыһылын, атааннас ‘не прийти к единому мнению, ссориться, рассориться’. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгытыгар *адаарыс* диэн туохтуур суолтата толору бэриллэбэтэх. Дьүһүннүүр тыл курдук өйдөммүт: *адаарый* диэнтэн [6, с. 285]. *Адаарыс* – иирис, этис, айдаарыс диэн быһаччы суолтаны бэлиэтиир. Хайааһыны соҕотох киһи онорботун быһытынан -с холбуу туһаайы сыһыарыыта сыстар.

Амтыын кырыыска туруор – улаханник кыраа-таный ‘проклинать; предать анафеме’. Кырыыс диэн тыл суолтатын кытта быһаччы ситимнээх.

Аньыыны сырайданар – куһаҕаны ыраланар ‘предвещает что-то недоброе, дурное’. Кэпсэтии тылыгар, «аньыыны сырайданыма», – диэн сэмэлиир-мөбөр, буйар дэгэттээх тыл халбаннаабат ситимэ туттуллар. Улахан киһи эбэтэр оҕо сизэргэ баппат түктэри быһыытын, туох эрэ куһаҕан буолуобун биттэнэн, онно эрдэттэн бэлэмнэрин, өйүгэр онорон көрөкөрө оонньуурун тохтотор, сэмэлиир тыл.

Биир үккэ шиктишиллэр – куруук бииргэ сылдыар, арахсыспат доҕордуу дьону туһунан үгэргээн этии ‘о неразлучных друзьях’; *ирон.* ‘вместе мочатся в одно ведро’.

Бүөр сыалыыр – тото аһаан баран сытан сынньана түһэн ылыы; *экви.* ‘отлеживать бока’; ‘короткий отдых после сытной трапезы’.

Быарыгар быһахтаах – кимизэх эмэ өһүрэр, иэс ситиһэргэ бэлэм иһигэр абаран сылдыар киһи туһунан ‘таит зло на кого-либо; готов отомстить в любой подходящий момент’; *букв. пер.* ‘в своей печени нож прячет’.

Бытан бар – түөлб. хоргуй *диал.* ‘голодать; обнищать’. **Бутан бар, бутан өлбүт** диэн арҕаа энэр туттуллар тыл-өс.

Быы долуюй бар – түөлб. атах балай бар *диал.* ‘уйти куда глаза глядят’. Манник курдук тутуллаах лексемалары ойколект курдук өйдүөххэ эмиэ сөп.

Бэлэһинэн күлэр – сэтэрээбитти астынан күлэр ‘насмехаться, радоваться от чужого горя’.

Бэрт буол – кимизэх эмэ сөбүлэтэ сатаан үчүгэйдик сыһыаннас, албыннас ‘стараться угодить кому-либо, подхалимничать, льститься’.

Дүнгүрдэнэн эрэ кырыбатым – олус элбэхтэ этилиннэ, үөрэтилиннэ да суолта бэриллибэтэ (истибэт, болжойбот түгэннэ сэмэлээн этии) ‘говорить много раз, а все без толку’; *букв. пер.* ‘разве что как шаман, взяв свой бубен не камлала только’. Саха тылын төрүт омукуту тыһынын илдьэ сылдыар сомоҕо домоҕо буолар. Манна *дүнгүр* ойуун туттар куйтавай мала тутуллабут. Тэннэнэн, хоһуйан этии түмүгэр үөскээбит сомоҕо домох.

Дэн үктээ – 1. алҕаһаа, кириэн биэр ‘совершать ошибку, нескласти отступиться’ (Н. С. Григорьев, А. Г. Нелунов тылдыгытыгар) [3, 4]; 2. киһизэх туран биэр, көмөлөс, кыһалҕалаах кэмнэ толуй ‘делать уступки кому-либо, помочь; выручить’. Киһизэх биридэ эмэ *дэн үктээтэбэ дуу?* (кэпс. т.). Саха тылыгар сомоҕо домоҕо хас да араас суолтаны бэлиэтиир түгэнэ баар. Ол боппурус билигин да ситэ чинчиллэ илик [7, с. 74]. Билигин туттар тылдыгытыгар сорох сомоҕо домох хайа эрэ суолтата ситэ быһаарыллыбатах буолуон сөп. Ону контекстан көрөн быһаарыллар.

Дьизк булбат – туох да итэҕэһи булбат, саралыыр кыаҕа суох ‘не находить ни одной зацепки, чтобы придраться’.

Дьолун мүччү тутта [куоттарда] – сыһа быһыланна: тапталлааҕын куоттарда, турууласпата ‘упустить свое счастье (о возлюбленном(ой)); не боролся за свое счастье’.

Иби-табы гын – түөлб. дьиз иһинээҕи кыра үлэни үлэлээ *диал.* ‘выполнить легкую домашнюю работу; работать налегке’.

Иик аллыахтарыгар диэри – түөлб. олус сөбүлээбиттэр, астыммыттар, баҕарбыттар; *степень превосходства, довольства* ‘(так сильно им это понравилось), что даже в штаны намочились’. Саха тыла киһи сыһыанын көрдөрөр, сэмсэ дэгэт суолтатынан баай. Онон киһи сангарар сангатыгар сыһыана, сөбүлүүрү дуу, сирэрэ дуу тутта көстөр. Сомоҕо домох үкэ үгэргээн, сиилээн, саралаан этэр дэгэттээх.

Инин солонор – киһиэхэ атаҕастаппат, аахсар, бэйэтин көмүскэнэр кыахтаах ‘умеет постоять за себя; себя в обиду не даст’.

Иһил-таһыл буол – туохтан эрэ астыммакка улаатымсыһан эбэтэр кыһыһыран силбиэтэнэр, уларыа сылдыар биир майгыта суох киһини ахсарбакка этии; *выражение недовольства о непостоянстве характера* ‘быстро меняться в настроении; дёргаться’.

Киһи аатыттан аас – 1. издэй-буорай, киһилии олохтон тэй ‘опуститься до дна, отойти от нормальной жизни’; 2. улаханлык ыарый эбэтэр эчэй (киһи сизэриттэн тахсыы, майгы алдьаныыта, доруобуйа эмсэҕэлээһинэ) ‘сильно заболеть или получить серьезные травмы, увечья’.

Киһи тылын өлөр – бэйэҕин көмүскэнэн саба санар ‘дать отпор собеседнику; заткнуть рот кому-либо’.

Киһиэхэ дьуой [көлбөрүү] – эппиэтинэстэн, үлэттэн куотунан кимиэхэ эмэ сонноо, эргийэн биэр ‘завалить (свою) работу на кого-либо, чтобы уклониться от работы или ответственности’.

Көгөһүн курдук уолан тахсар – кэриэлийэр, атын киһи баайыгар ымсыылар, кэччэгэй майгы туһунан ‘о человеке, который постоянно прибедряется, жалуется, завидует на чужое добро’.

Көмүс этин уйбат – түөлб. кыаммат, сылайар-элэйэр мөлтөөн ээрэр киһи туһунан *диал.* ‘устаёт, изнемогает (от физической слабости)’.

Кумаар да дыыгынаабытыгар [сахсырба да саабынаабытыгар] холобот – киһи этэрин ылыммат, улаханна уурбат ‘не слушается, в грош не ставит’, *экви.* ‘ухом не шевельнул’.

Кыһыл илигинэн тутума – олус итэҕэйимэ, эрэнимэ (саарбах киһи туһунан сэрэтэн этии); *выражение предупр.* ‘слишком не доверяй (он не такой простой как кажется)’; *экви.* ‘голыми руками не возьмешь’.

Кыыс сыытын сыыттаһан – түөлб. улахан эрэйинэн, көрдөһөн, ыарахан сыананы төлөөн тугу эмэ булуу *диал.* ‘найти, приобрести что-либо большим трудом, оплачивая высокую цену’.

Кэбэ курдук кэбий – бири үрүт-үөһэ хатылаа ‘не переставая, говорить, твердить одно и то же’ *букв. пер.* ‘куковать как кукушка’.

*Кэнтиккэ обун** – 1. кыраҕа киирэн биэри, албынҕа үктэтии; 2. быстахха өлүү ‘попасть в беду из-за мелочи; умереть внезапно от пустякового’. Н. С. Григорьев тылдыгыгар: кэнтиккэ **киирэн биэр** = өстөөх албаһыгар түбэс, киирэн биэр [4, с. 54]

Муоһун таһынан охсор – бэйэтигэр ылыммат, чугаһаппат; быһаччы akkaастыыр ‘не согласен или не принимает предложение кого-либо; наотрез отказывает’.

Мээри буол – олус элбэҕи туһата суоҕу санар, бири лэбэй ‘много болтать, говорить одно и то же; нести бред, чепуху’. Холобур: ‘Этэр мээри буолла.’

Өй ук – кимиэхэ эмэ бэйэ атын санаатын киллэр; кик ‘дать идею, новые мысли (в частности для каких-либо целей или ради наживы, личной выгоды и т.д.)’.

Сиидэс ойуутун курдук көрөр – түөлб. билбэт, өйдөөбөт, кыайан аахпат суруга-бичигэ диал. ‘никак не может читать, распознать письмо или решить задачу и т. д. (действиях человека, который не может понять дело)’.

Сүллэтэ ыстаммыт (ойбут) – улаханлык өһүргэммит ‘сильно обиделся, приняв за оскорбление’.

Тимир минньигинэн минньиктээ (сиппишинэн сиппиридээ) – урут бүрүүкээн турбуту ыһар, төрдүттэн эһэр туттуу; *калька* ‘выметать железной метлой’.

Тигэх ырыатын ыллыыр – кэс тылын этэр, бүтэһигин онгорор; *экви.* ‘лебединая песня’.

Туохха да тук буолбат – туохтан да астыммат, сөп буолбат ‘вечно недовольный; никак не угодить’.

Төлкө төннүбэт – киһи дьылҕата ыйааҕа, уларыыбат, буолуохтаах син биир буолар; *экви.* ‘от судьбы не уйти’.

Туой инньэ диир – куруук бири этэр ‘постоянно твердит одно и то же’.

Үрдүгэр үнкүүлээ – сэнээ, атаҕастаа ‘унижать, оскорблять’.

Үөнү кудһаа (ытыр) – билэ-билэ билбэтэҕэ буол, хаадылыыр-элэктиир сыһыан ‘проявить неискренность; за спиной плести интриги’.

Үөһэ сүлүйэр (тэстэр) – түөлб. кимизэхэ эмэ үтүөтэ кириэр, манньыйар диал. ‘раздобрьте кому-либо; быть довольным, щедрым относительно кого-либо’.

Хоройбутунан хон – утуйбакка түүнү быс ‘не сомкнуть глаз; не спать ночью’.

Ыалдьан солох буол – олус уһундук ыарый, оронтон турбакка сыт ‘болеть долго, изнурительно, не вставая с постели’.

Ыт тиһигэр мэктиэлээмэ (андабайыма) – эрэннэримэ; *букв. пер.* ‘не зарекайся, что собака не укусит’.

Ыты туктаабыкка дылы – киксэр ‘подстрекать; словно наускивать собаку’.

Эмһэтинэн көрдө – наадыыбат, болҕойбот буолла ‘игнорирует, перестал уделять должного внимания’.

Эмһэтинэн харахтанар – билгэ хаама илик эбэтэр саҥа хампыт оҕо түөрт атаҕар тирэнэн туран, ахтатын быһыһынан таннары одуулуура (ыраахтан киһи кэлэрин биттэнэр); *народная примета* ‘смотрит через попу (так говорят, когда малыш, который еще не начал ходить, стоя на четвереньках, смотрит верх тормашками через расставленные ноги. Его поведение предвещает скорый приезд гостя издалека)’.

Эриэн-элэмэс буол – түөлб. уларыыа сылдьар майгылаах, көнө сүннээ суох киһи туһунан диал. ‘о быстро меняющемся, изворотливом, непостоянном человеке (характер)’.

Сомоҕо домох үкэс кэриэтэ ойуулуурун-дьүһүнүүрүн сэргэ, үгэргээн-хоһурҕаан этэр, санарааччы этэр санаатыгар тус сыһыанын көрдөрөр модальнай дэгэттээх туттуллар. Санарар санаҕа туттуллар үгэс, үөрүйэх буолбут тыл домохторо бааллар. Балар элбэх тылтан турар бэйэлэрэ бүтүн толору этии курдуктар. Онон маньык сомоҕо ситимнэр суолталарын биир тылыннан быһаарар уустук, ханнык да саҥа чааһын өйдөбүлүн ылымматтар, арай тизкис киһи кириэн (контекст) санарааччы сэмсэ санаатын, тус сыһыанын көрдөрөллөр.

Быллыгынай буолан бараайаҥый – түөлб. аһара элбэхтэ бири оноро сатаан баран буккуллан, ирэн хаалайаҥый диал. *предупр.* ‘осторожно, не увлекайся слишком, а то умом тронешься’.

Нуучча хараһын уута [чыычаах үүтэ] эрэ суох – бары барыта баар ‘есть все, чего только не пожелаешь’; *букв. пер.* ‘нет только слезы русского человека’.

Оннообор кутуйах [саһыл] уйалаах – олорор дьизэтэ-уота, баайа-дуола суох киһини үгэргээн этии *букв. пер.* ‘дажемышь (лис) имеет свою нору’ (к примеру, высмеивание человека, который до преклонного возраста не имеет собственного жилья).

Оннооџор өлөр киһи сынньаланнаах – туохтан эмэ сылайан сынньана, тохтуу түһээр. и этэр тыл ‘выражение, которое используется при большом утомлении или усталости, чтобы сделать небольшую паузу’; *букв. пер.* ‘даже покойник имеет право на отдых’.

Өлүүг уута угуттаарай – сэрэтэр этии: туох эмэ албаһы онгорон мөбүллэн идэ-йэйэйний? *Предупр.* ‘смотри, потом пожалеешь: будешь горько плакать’ *букв. пер.* ‘слезы нахлынут’.

Сыарба сырсыыта (буол(ума)) – табыгаһа суох кэмгэ кыбыттыһыы, кытта түсүһүү ‘соваться в самый неподходящий момент’.

Таах сибиз – 1. кэмсинии ‘зря это сделал или не сделал (слова сожаления о совершенном или несовершенном поступке)’; 2. мыынар тыл; *калька* ‘так себе’. Холобур: Ол диэн таах сибиз буо. Ааһан иһэн.

Там да гымматым – мыынар тыл: топпотум, астымматым; *выражение недовольства* ‘ненасытился’; *эквив.* ‘Я там был, мед-пиво пил. По усам текло, а в рот не попало’.

Туох ааньаба дылы – сэнээн этии: туох үчүгэйдээххэ дылы; *пренебреж.* ‘посмотри на себя; нет у тебя никаких достоинств’.

Түмүктээн эттэххэ, саха тылын сомоџо домоџо кэпсэтэр тыл дэгэтин: модальноһын, ойуулуур-дьүһүннүүр кыабын, омук тылынан ойуулуур хартыынатын, майгытын (менталитетын) уратытын – барытын бииргэ түмпүт тылын саппааһын биир дьохуннаах араната буолар. Онон сомоџо домоџо өссө да хомуйар, үөскээһинин, истиил арааһыгар туттуллуутун, этиигэ толорор оруолун, саха билинни тылыгар туттуллуутун диригинник үөрэтэр срук турар.

Литература

1. Готовцева, Л. М. Современное состояние изучения фразеологии якутского языка / Л. М. Готовцева // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. – № 2 (88) – 2022. – С. 58–68.
2. Афанасьев, П. С. Саха билинни тыла : Лексикология : саха филологиятын уонна төрүт культуратын факультетыгар үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай : Саха государственной университетин издательствота, 1996. – С. 48–51.
3. Нелунов, А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. А-К. Том I / Ответственный редактор П. А. Слепцов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 1998. – 286 с.
4. Григорьева, Н. С. Саха тылын сомоџо домоџун тылдыгыта (Фразеологический словарь якутского языка. Около 3000 словарных статей) / Редактор Н. Д. Дьячковский. – Якутск : Книжное издательство, 1974. – 126 с.
5. Готовцева, Л. М. Одежда героев кыргызского эпоса «Манас» по отношению к якутскому эпосу «Нюргун Боотур Стремительный» / Л. М. Готовцева, Т. Н. Никаева // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. – Ч. 2 (65). – С. 56–60.
6. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыгыта=Толковый словарь якутского языка. Том I (Буква А) / Под общей редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – С. 285.
7. Готовцева, Л. М. О разграничении значений многозначных фразеологических единиц в якутском языке / Л. М. Готовцева // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – №4(46). – Ч. 2. – С. 74–76.

References

1. Gotovceva, L. M. Sovremennoe sostoyanie izucheniya frazeologii yakutskogo yazyka / L. M. Gotovceva // Vestnik SVFU im. M.K. Ammosova. – № 2 (88) – 2022. – S. 58–68.
2. Afanas'ev, P. S. Saha bilin'ni tyala : Leksikologiya : saha filologiyatyn uonna toeryt kul'turatyn fakul'tetygar yorener kinige. – D'okuuskaj : Saha gosudarstvennaj universitetyn izdatel'stvoja, 1996. – S. 48–51.
3. Nelunov, A. G. YAkutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. A-K. Tom I / Otvstvennyj redaktor P. A. Slepcev. – Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, NIC OIGGM, 1998. – 286 s.

4. Grigor'eva, N. S. Saha tylyn somoҗo домоҗун тылд'yta (Frazеologicheskij slovar' yakutskogo yazyka. Okolo 3000 slovarnyh statej) / Redaktor N. D. D'yachkovskij. – YAkutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1974. – 126 s.
5. Gotovceva, L. M. Odezhdа geroev kyrgyzskogo eposa «Manas» po otnosheniyu k yakutskomu eposu «Nyurgun Bootur Stremitel'nyj» / L. M. Gotovceva, T. N. Nikaeva // Filologicheskie nauki : Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 11. – CH. 2 (65). – S. 56–60.
6. Saha tylyn byhaarylaah ulahan tyld'yta=Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. Tom I (Bukva A) / Pod obshchej redakciej P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – S. 285.
7. Gotovceva, L. M. O razgranichenii znachenij mnogoznachnyh frazeologicheskikh edinic v yakutskom yazyke / L. M. Gotovceva // Filologicheskie nauki : Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2015. – №4(46). – CH. 2. – S. 74–76.

М. А. Осорова

Когнитивные механизмы наименования лекарственных растений в якутском языке

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: me.marine@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности образования номинации фармакофитонимов в якутском языке. Целью данного исследования является выявление мотивационных признаков лекарственных фитонимов. В ходе исследования нами были рассмотрены номинации якутских лекарственных растений, такие как «эрбэһин», «ньээм», «бокхсурҕан», «кулун кутуруга», извлеченные методом сплошной выборки из различных словарей и лексикографических источников. В ходе анализа были выявлены основные мотивационные признаки номинаций якутских названий лекарственных растений, например, «место произрастания растения», «внешний вид растения», «антропонимы в составе фитонимов», «метафорическая мотивированность» и др. Превалирующим мотивационным признаком при номинации названий лекарственных растений в якутском языке является «внешний вид растения», посредством чего образованы 21 фармакофитоним и с метафорической мотивированностью – 6 лекарственных названий растений. Также анализ показал, что в якутском языке превалируют двухкомпонентные и трёхкомпонентные конструкции фитонимов.

Ключевые слова: фитонимы, фармакофитонимы, якутский язык, номинация, мотивационный признак, когнитивный механизм, растения, мотивема, номинации растений, антропонимы.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Лексика живой природы (растительный мир) в якутском языке: лингвогеографическое распределение» (Соглашение № 22-78-00221) под руководством Н. В. Малышевой., к. филол. н., в. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», доцента кафедры «Якутский язык» ИЯКН СВ РФ СВФУ.

Для цитирования: *Осорова М. А.* Когнитивные механизмы наименования лекарственных растений в якутском языке // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.64.52.002>

М. А. Osorova

Cognitive mechanisms of naming medicinal plants in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article analyzes the peculiarities of pharmacophytonyms' naming in the Yakut language. The purpose of this study is to identify motivational features of medicinal phytonyms. During the study we examined names of Yakut medicinal plants, such as “erbehin”, “n’eeem”, “bokhsurghan”, “kulun kuturuga”, extracted by the method of continuous sampling from various dictionaries and lexicographic sources. The analysis revealed the main motivational features of Yakut names of medicinal plants, such as “place of plant growth”, “appearance of a plant”, “anthroponyms in phytonyms”, “metaphorical motivation”, etc. The predominant motivational feature in the names of medicinal plants of the Yakut language is the “appearance

ОСОРОВА Марина Анатольевна – м. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», аспирант кафедры «Якутский язык» ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: me.marine@mail.ru

OSOROVA Marina Anatolyevna – junior researcher, International research laboratory «Linguistic Ecology of the Arctic», postgraduate student, Department of Yakut Language, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

of the plant”, through which 21 pharmacophytonyms and six medicinal plant names with metaphorical motivation were formed. In addition, the analysis showed that in the Yakut language two-component and three-component phytonymic constructions prevail.

Keywords: phytonyms, pharmacophytonyms, Yakut language, nomination, motivational feature, cognitive mechanism, plants, motif, plant nominations, anthroponyms.

The research was carried out within the grant of the Russian Science Foundation «Wildlife lexicon (plant world) in the Yakut language: linguogeographic distribution» (Agreement No. 22-78-00221) under the supervision of N. V. Malysheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Linguistic Ecology in the Arctic, Associate Professor of the Yakut Language Department of the NEFU.

For citation: Osorova M. A. Cognitive mechanisms of naming medicinal plants in the Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.64.52.002>

Введение

Якутский язык – язык народа, который, стойко борясь с суровой северной природой, наряду с другими народностями Севера заселил землю с огромной территорией. История и культура народа саха невероятно интересна и богата на традиции, обычаи, которые не утрачены якутами по сей день. Якутский язык является одним из древнейших тюркских языков, тем не менее он находится в наиболее обособленной позиции от остальных [1]. Выдающийся польский исследователь Вацлав Серошевский называл якутский язык «французским языком Северо-Восточной Сибири», отмечая его роль как языка межнационального общения в среде народов Якутии (подобно французскому в Европе) [2, с. 5]. Так, якутский народ веками соседствует с такими этническими культурами, как эвены, эвенки, долганы, юкагиры, чукчи, русские и др. Якутский язык входит в состав большой семьи тюркских языков, включающей в себя более тридцати языков, он первым отделился от общего пратюркского языка [3] и довольно сильно отличается от большинства тюркских языков, так как в нем имеется обширный пласт лексики неизвестного происхождения и, безусловно, объемный пласт лексики из монгольского и тунгусо-маньчжурского языков.

В условиях глобализации происходит быстрое развитие всех сфер жизнедеятельности человека, что требует введения новых наименований для различных предметов, в том числе в лингвистике. Изучением присваивания языковых наименований реалиям действительности занимается наука об именах – ономастиология, т. е. теория номинации. Для определения принципов и способов номинации используется понятие мотивационного признака внутренней формы слова [4]. Иными словами, любая номинация растений подразумевает под собой некоторое обоснование, мотив для наименования растения. Так, ономастиология описывает общие закономерности образования языковых единиц, связи между мышлением, языком и реальностью. Также данное направление языкознания направлено на изучение языкового ландшафта. Язык отражает ряд культурных и когнитивных проблем, а лингвистика обладает инструментами для определения и описания представлений о языковом ландшафте, представляющем собой особый интерес для других областей науки [5]. Таким образом, языковой ландшафт открывает перед исследователями важную связь лингвистики с такими дисциплинами, как антропология, когнитивная география и др., которые наименее всего связаны с языком.

В основе создания слов лежат определенные механизмы и модели, которые структурируют понятия и играют важную роль в процессе номинации. Содержание таких механизмов и моделей обусловлено прежде всего тем, что, по словам исследователей, концептуальная система, опосредованная и проявляемая языком, имеет метафорический характер [5]. Изучением метафоры в формировании когнитивной системы человека занимались

Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормик, Э. Кассирер, М. Осборн и др. Работы данных ученых способствовали становлению теории когнитивной метафоры, но поворотным событием стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонса «Metaphors We Live By» [6], которая позволила рассматривать ее как ментальное представление знаний.

В. А. Меркулова рассматривает названия дикорастущих съедобных трав, грибов и ягод с точки зрения их этимологии. Так, автор изучает словообразовательную структуру и семантическую мотивированность фитонимической лексики, описывающих происхождение слов. В монографии В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений» [7,8] рассматриваются народные названия растений, в значительной мере отличающиеся от научной. Материалом данной работы послужили диалектные словари и записи диалектной речи. Каждый элемент научной ботанической номенклатуры языков мира имеет свои соответствия в международной латинской номенклатуре. Благодаря данной номенклатуре каждый независимо от языковой принадлежности может найти описание рода и вида растения.

Изучением с точки зрения сравнительно-сопоставительного и семантико-мотивационного аспектов генетически неродственных языков занимается в своем диссертационном исследовании А. В. Берестнева [9], рассматривающая экзотические названия растений английского и русского языков. Также Д. Б. Мирзаханова сравнивает фитонимическую лексику азербайджанского языка с другими тюркскими языками, учитывая их генетические, а также семантические особенности. О. Г. Рубцова [3] изучает фармакофитонимы русского, марийского, немецкого и латинского языков как особую лексико-семантическую группу. Автор описывает основные принципы номинации лекарственных растений разноструктурных языков в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Способами обработки, хранения и передачи знаний о мире через язык занимается когнитивная лингвистика. Диссертационное исследование И. В. Лукьяновой «Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте» [10] посвящено изучению ментальных процессов познания природы жителями и старожилками Среднего Приобья. Автором выделяется два основных вида ментального освоения растений в процессе когнитивной детальности: чувственное восприятие и рациональный опыт. Так, «репрезентация диалектом наивной картины мира обуславливает присутствие незначительного количества фитонимов, объективирующих архаичный способ познания и объяснения мира природы как живого существа» [10, с. 213].

В зарубежном языкознании изучением названий растений занимается Мондана Колахдуз, доцент Исламского университета Азад в Тебризе. Ее исследование «Investigating the categories and linguistic patterns in nomination of medicinal plants» («Изучение категорий и лингвистических закономерностей в номинации лекарственных растений») [11] направлено на изучение и выявление лингвистических категорий и закономерностей в традиционном именовании лекарственных растений. Автор рассматривает более 300 названий лекарственных растений на турецком и их аналоги на персидском языках. В ходе анализа автором были выявлены категории и языковые модели, связанные с традиционным именованьем растений. Согласно результатам исследования, категория «животные» состоит из 30,48% наименований, «цвет и вкус» – 26,82%, «время и место» – 21,95%, а также являются наиболее частотными при именовании лекарственных растений. Сравнение показало, что для персидского и турецкого языков характерны схожие по своей структуре лингвистические паттерны. Предложенная лингвистическая модель носит междисциплинарный характер и может быть применена по отношению к другим языкам.

Также изучением названий растений занимаются Родриго Камара-Лерет и Хорди Баскомпт из Цюрихского университета. В своей работе «Language extinction triggers the loss of unique medicinal knowledge» («Исчезновение языков приводит к потере уникальных медицинских знаний») [6] исследователи отмечают, что к концу нынешнего века более 30% из 7400 языков мира исчезнут. Материалом работы послужил язык трех регионов с биокультурным разнообразием, лишь носителям которого известны определенные фармакофитонимы, т. е. более 75% названий лекарственных растений, а также области их применения. Эти знания коренных жителей трех регионов уникальны по своей природе, а их потеря спровоцирует утрату редких медицинских знаний известных лишь закрытому кругу людей. Эти редкие данные таят в себе ценную информацию о применении растений и возможностях народного целительства, которые ни в коем случае не должны исчезнуть.

Благодаря этимологии и изучению различных экологических и лингвистических факторов, отражающихся в названиях растений, исследователи стремятся углубить свое понимание о природе фармацевтического, пищевого и непивевого применения лекарственных растений. Настоящее исследование направлено на изучение и выявление мотивационных признаков в именовании лекарственных растений. Новизна данной работы заключается в том, что рассмотрение мотивационных признаков названий лекарственных растений и способов их образования в якутском и английском языках ранее не было объектом научного исследования.

В связи с объявлением ООН Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032 гг.) проблема исчезновения подобных языков становится особенно актуальной. Так как языки коренных народов содержат в себе знания, в частности, о растениях и их применении в повседневном быте. По своей природе такие медицинские знания уникальны в лингвистическом отношении, то есть они известны лишь одному определенному языку, который возможно находится под угрозой исчезновения. Каждый язык малочисленных коренных народов мира является неповторимым резервуаром медицинских знаний, благодаря которым можно выявить и сохранить вклад природы в благо людей, в связи с чем обусловлена актуальность данной темы.

Лексика растений якутского языка является довольно интересной темой для изучения, тем не менее до настоящего момента она остается малоизученной. Поэтому выбор данной темы продиктован отсутствием аналогичных работ в языкознании, что и определяет необходимость комплексного исследования названий травянистых растений.

Материалы и методы

В работе применяется описательный анализ с элементами деривационного для выявления основных закономерностей мотивационных признаков фитонимов в якутском языке.

В ходе исследования нами рассмотрены некоторые названия якутских лекарственных растений: «полынь» (22 наименования), «одуванчик» (17 наименований), «подорожник» (12 наименований), «лисохвост» (2 наименования), извлеченных методом сплошной выборки из следующих словарей: Большой толковый словарь якутского языка под редакцией П. А. Слепцова, Словарь якутского языка Э. К. Пекарского, Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии А. М. Петрова, Диалектологический словарь якутского языка П. С. Афанасьева, М. С. Воронкина и М. П. Алексеева и др.

Фитонимы якутского языка

Заемствования из тюркских языков

В якутском языке у многолетнего травянистого растения полыни – як. *эрбэһин* имеется достаточно большое количество номинаций. Вообще слово *эрбэһин* «полынь» *Artemisia L.* [12, с. 560] происходит от киргизского *эрмэн* «полынь»/койбальского *ербэн* «полынь, бо-

городская трава» [13, Т. 15, с. 278]. Название травянистого растения рода василистник представлено в якутском языке номинацией *чэмкиниэр* «василистник вонючий *Thalictrum foetidum*» [14, с. 52]. Данная лексема происходит от киргизского *чемирчек* «название травянистого растения со съедобным корнем» [15, с. 135], также как и его фонетический вариант *чэмкинэр* в значении «лютик болотный» [16, т. 3, с. 3603].

Заимствования из русского языка

В якутском языке существует большое количество заимствований из русского, что связано с давнейшей историей вхождения Якутии в состав Российского государства. Языковым контактам этих двух народов уже более 400 лет и в якутском языке прочно зафиксировался русский пласт лексики.

Трехкомпонентное наименование полыни *бүтүн сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь цельнолистная *Artemisia integrifolia* L.» [17 с. 135], т. е. *бүтүн* ‘цельный’ + *сэбирдэхтээх* ‘с листьями’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *эстрагонуну эрбэһин* «полынь эстрагоновидная *Artemisia dracunculu formis* Krasch.» [17, с. 135], т. е. *эстрагонуну* ‘эстрагоновидный’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *үрүҥ сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь белolistная *Artemisia leucephylla* turcz. ex Clarke» [17, с. 136], т. е. *үрүҥ* ‘белый, светлый’ + *сэбирдэхтээх* ‘с листьями’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *саха эрбэһинэ* «полынь якутская *Artemisia jacutica* Drob.» [17, с. 136], т. е. *саха* ‘якутский’ + *эрбэһинэ*; ‘полынь’ *тымныы эрбэһин* «полынь холодная *Artemisia frigida* Willd.» [17, с. 137], т. е. *тымныы* ‘холодный’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *солбуйааччы эрбэһин* «полынь замещающая *Artemisia commutate* Bess.» [17, с. 139], т. е. *солбуйааччы* ‘заменяющий’ + *эрбэһин* ‘полынь’; *бөдөн сибэккилээх эрбэһин* «полынь крупноцветковая *Artemisia macrantha* Ledeb.» [17, с. 139], т. е. *бөдөн* ‘крупный’ + *сибэккилээх* ‘с цветами’ + *эрбэһин* ‘полынь’ являются калькированием.

Следующие двухкомпонентные номинативные комплексы *Гмелин эрбэһинэ* «полынь метельчатая» *Artemisia gmelinii* Web. ex Stechm. [17, с. 137], *Сиверс эрбэһинэ* «полынь Сиверса» *Artemisia siaversiana* Willd. [17, с. 136], *Генриетта эрбэһинэ* «полынь Генриетты» *A. henriettae* Krasch. [16, с. 83], *Караваяв эрбэһинэ* «полынь Караваява» *A. Karavajevii* Leonova [18, с. 83], *Максимович эрбэһинэ* «полынь Максимовича» *A. maximovicziana* Krasch. ex Poljak. [18, с. 83], *Тилезиус эрбэһинэ* «полынь Тилезиуса» *A. tilesii* Ledeb. [18, с. 83], 15) *Триниус эрбэһинэ* «полынь Триниуса» *A. triniana* Bess. [18, с. 83] и *Чекановской эрбэһинэ* «полынь Чекановского» *A. czekanowskiana* Trautv. [18, с. 83] также возникли в результате словообразовательного калькирования и имеют в своем составе антропонимы. Также двухкомпонентными номинациями с антропонимическими единицами, образованными посредством процедуры калькирования, являются номинации *Куваев ньээмэ* «одуванчик Куваева» *Taraxacum kuvajevii* Tzvel. [17, с. 145], *Шамиссо ньээмэ* «одуванчик Шамиссо» *Taraxacum chamissionis* Greene. [18, с. 70], *Урвиллей бохсурбана* «подорожник Урвиллея» *Plantago urvillei* Opiz. [12, с. 541] и *Корнут бохсурбана* «подорожник Корнута» *Plantago cornuti* Gouan. [12, с. 541].

То же самое имеет место в двухкомпонентных номинациях *Лапландия ньээмэ* «одуванчик лапландский *Taraxacum Lapponicum* Kehim. ex Hand. –Mazz.» [17, с. 146], *Монголия ньээмэ* «одуванчик рогаосный *Taraxacum mongolicum* Hand.-Mazz.» [17, с. 146] и *Сибирь ньээмэ* «одуванчик сибирский *Taraxacum Sibiricum* Dahlst.» [18, с. 70].

Другие наименования одуванчика в якутском языке образованы посредством прямого перевода из русского языка: *үрүҥ ньээмэ* «одуванчик белоцветковый *Taraxacum leucanthum* Ledeb.» [18, с. 70], т. е. *үрүҥ* ‘белый, светлый’ + *ньээмэ* ‘одуванчик’; *сыгыннах ньээмэ* «одуванчик голый *Taraxacum glabrum* DC.» [18, с. 70], т. е. *сыгыннах* ‘голый’ + *ньээмэ* ‘одуван-

чик»; *уһун муостаах ньээм* «одуванчик длиннорожковый *Taraxacum longicorne* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *уһун* ‘длинный’ + *муостаах* ‘с рогами’ + *ньээм* ‘одуванчик’; *кирпииччэ ньээм* «одуванчик кирпичный *T. lateritum* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *кирпииччэ* ‘кирпич’ + *ньээм* ‘одуванчик’; *кылгас муостаах ньээм* «одуванчик короткорожковый *Taraxacum Brevicorne* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *кылгас* ‘короткий’ + *муостаах* ‘с рогами’ + *ньээм* ‘одуванчик’; *тыырыллыбыт ньээм* «одуванчик рассеченный *T. Dissectum* Ledeb.» [18, с. 70], т. е. *тыырыллыбыт* ‘распоротый’ + *ньээм* ‘одуванчик’; *томтор ньээмэ* «одуванчик холмовый *Taraxacum collinum* DC.» [18, с. 70], т. е. *томтор* ‘холм’ + *ньээмэ* ‘одуванчик’; и *отох ньээм* «одуванчик тощий *Taraxacum Macilentum* Dahlst.» [18, с. 70], т. е. *отох* ‘малорослый’ + *ньээм* ‘одуванчик’.

Названия следующих фитонимов также являются прямыми переводами из русского языка: *ыгыллыбыт бохсурбан* «подорожник прижатый» *Plantago depressa* Schleicht. [12, с. 541], т. е. *ыгыллыбыт* ‘прижатый’ + *бохсурбан* ‘подорожник’; *ортоку бохсурбан* «подорожник средний» *Plantago media* L. [12, с. 542], т. е. *ортоку* ‘средний’ + *бохсурбан* ‘подорожник’; *бөдөн бохсурбан* «подорожник большой» *Plantago major* L. [12, с. 541], т. е. *бөдөн* ‘крупный’ + *бохсурбан* ‘подорожник’; и *арыттыңы бохсурбан* «подорожник промежуточный *Plantago major* subsp. *intermedia*» [12, с. 541], т. е. *арыттыңы* ‘промежуточный’ *бохсурбан* ‘подорожник’.

Мотивационный признак «внешний вид растения»

Ориентируясь на внешний вид растения, якуты давали им самые различные названия, благодаря чему становилось возможным выделение какого-либо растения среди множества других внешне схожих. В категорию «внешний вид» входят такие характеристики растений, как стебель, листья, корень, форма, размер, цвет и др.

Мотивирующей базой для двухкомпонентной номинации *сиппиурдини эрбэһин* «полынь метельчатая *Artemisia scorparia* Waldet. et Kit.» [17, с. 137] послужил внешний вид растения. Стебель наряду с листьями и цветками полыни напоминает связку веток, вероятно, якуты ассоциировали растение с ‘*сиппиур*’, что на якутском обозначает связку веток, прутьев тальника для подметания. В следующем примере можно увидеть метафорическую мотивированность: *тимэх от сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь пижмолистная *Artemisia tanacetifolia* L.» [17, с. 139], где ‘*тимэх*’ (пуговица) + ‘*от*’ (трава) + ‘*сэбирдэхтээх*’ (с листьями) буквально переводится как «с листьями в виде пуговиц». Здесь мы видим сравнение мелких цветков полыни, собранных в корзинки, с маленькими круглыми пуговицами.

В двухкомпонентных наименованиях одуванчика *алтан бас* «одуванчик рогатый (рогоносный) *Taraxacum ceratophorum* (Ledeb.) DC.» [14, с. 59], где ‘алтан’ (медный) + ‘бас’ (голова, башка) и его фонетическом варианте *алтан төбө* «одуванчик рогоносный *Taraxacum ceratophorum* Ledeb. DC.» [19, с. 42] идет сравнение желто-золотистой головки на верхушке стебля данного вида одуванчика с головой человека. Предположительно, выбор цвета при номинации растения в данном случае продиктован временем его цветения, так как окрас цветков одуванчика сильно изменяется, начиная от белого, заканчивая оттенками розового, желтого.

Следующая двухкомпонентная номинация *кэрэмэс бохсурбана* «подорожник большой *Plantago major*» [19, с. 52], буквально переводимая как ‘седой подорожник’, образована по мотивационно-номинативному признаку «внешний вид растения». У данного вида подорожника на тычинках соцветия можно заметить белые нити, что, вероятно, послужило причиной ассоциации растения с седыми волосами у человека на голове.

Лисохвост имеет в якутском языке два названия – *кулун кутуруга* «лисохвост» [18, с. 56] и *хомустуну кулун кутуруга* «лисохвост тростниковидный *Alopecurus*

arundinaceus Poi] [20, с. 11]. Первая номинция, где лексема 'кулун' (жеребенок) + 'кутуруга' (хвост) букв. переводится как 'хвост жеребенка'. В данном случае название растения мотивировано его внешним видом, якуты ассоциировали хвост детеныша лошади с лисохвостом. Следующий номинативный комплекс *хомустуну кулун кутуруга*, где 'хомустуну' (озерный тростник) + 'кулун' (жеребенок) + 'кутуруга' (хвост) букв. 'хвост жеребенка в форме тростника' является трехкомпонентным, что редко встречается не только в якутском, но и в английском языках. Здесь название растения также мотивировано внешним видом лисохвоста с добавлением третьей лексемы *хомустуну*.

Мотивационный признак «практическое применение» растения

Растения всегда занимали у якутов особое место в их жизнедеятельности, поскольку жизнь в экстремальных условиях Севера требовала от них умений находить еду и лекарства среди довольно распространенных растений. В связи с этим многие дикорастущие растения находили свое практическое применение народом саха.

Например, двухкомпонентный номинативный комплекс *үөрэ ото* «обыкновенная полынь, съедобная трава» [19, с. 49] состоит из лексем 'үөрэ' (варево, приготовленное из сушеной мелко нарубленной съедобной травы или заболони, на молоке или тар [13, т. 12, с. 490]) + 'ото' (трава), буквально обозначающей «трава для варева». Мотивационным признаком номинации данного растения послужило его практическое применение в качестве лекарственного средства, а также продукта питания.

Двухкомпонентная номинация *бизс тымыр* «подорожник большой *Plantago major*» [14, с. 126] образована по признаку «внешний вид растения». У данного вида подорожника листья ланцетные с дугообразными жилками, что, предположительно, ассоциировалось у якутов с венами на руках человека. Помимо вышесказанного здесь также мотивационным признаком выступает признак «практическое применение» растения, так как подорожник большой применяется при заболеваниях суставов и вен. Трехкомпонентное наименование подорожника *бизс тымырдаах от* «подорожник *Plantago* L.» [21, с. 18] образовано через добавление к предыдущему примеру якутского гиперонима 'от'.

Мотивационный признак «способ, место произрастания»

В настоящей работе название травянистого лекарственного растения *бохсурбан* «подорожник» представлено в якутском языке 11 наименованиями. Например, однокомпонентная номинация *бохсурбан* «подорожник» [13, т. 2, с. 425] от *бох* «опутывать, стягивать; остановить» = тюрко-монг. *боь, боьо* «душить, сдавливать; заграждать, преграждать» [15, с. 115] и его фонетический вариант *лохсурган* «подорожник» [16, т. 2, с. 1478], образованы по принципу ассоциативных связей, вызванных тем, что подорожник произрастает практически везде, а особенно у дороги. Вероятно, данный факт лег в основу данной номинации подорожника.

Заключение

В ходе исследования нами были рассмотрены 53 названия растений якутского языка «полынь», «одуванчик», «подорожник», «лисохвост». Анализ показал, что в якутском языке преобладают двухкомпонентные (78%), трёхкомпонентные (13%) и однокомпонентные фитонимы (8%). Основным мотивационным признаком при номинации названий растений в якутском языке выступает «внешний вид растения», обусловленное прямым переводом из русского языка (38), например, *бүтүн сэбирдэхтээх эрбэһин* «полынь цельнолистная», *ыгыллыбыт бохсурбан* «подорожник прижатый» и *сыгыныннах ньээм* «одуванчик голый». Большое количество номинаций в данной категории объясняется существенным влиянием русского языка на якутский, активно начавшимся после вхождения Якутии в состав России.

В связи с тем, что практически каждое растение обладает более чем одним признаком, оно имеет несколько названий и, соответственно, несколько целей применения. В ходе анализа растений с метафорической мотивированностью можно увидеть, что многие из них указывают на какую-либо яркую черту. Метафорически мотивированы 6 фитонимов. Так, метафорически мотивирована номинация полыни, состоящая из двух компонентов, *сиптиирдинги эрбэһин* «полынь метельчатая». Якуты, вероятно, ассоциировали данный вид полыни с *сиптиир*, что обозначает на якутском «связка веток, прутьев тальника для подметания, веник» [13, т. 3, с. 418].

Литература

1. Слепцов, П. А. Саха тылын историята : СФКФ устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ = История якутского языка : учебное пособие / П. А. Слепцов. – Якутск, 2007. – 290 с.
2. Алексеев И.Е. Холумтан сылааһа : саха дьарыга, үгэхэ / Хомус Уйбаан [Б. Ф. Неустроев-Мандар Уус уо. д. а. ойуулар]. – Якутск : Бичик, 2013. – 157 с.
3. Рубцова, О. Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рубцова Оксана Геннальевна. – Йошкар-Ола, 2015. – 218 с.
4. Телия, В. Н. Номинация. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцева – [изд. 2]. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 366-367.
5. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova et al. (2014) Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34 // *Journal of Language and Literature*. No. 4, pp. 147-154.
6. Rodrigo Camara-Lereta and Bascompta J. (2021) Language extinction triggers the loss of unique medicinal. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2103683118>, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, pp. 1-5. <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2103683118> (дата обращения: 02.09.2022).
7. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений / В. А. Меркулова // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. – Москва : Наука, 1965. – С. 72–87.
8. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы) / В. А. Меркулова. – Москва, 1967. – 260 с.
9. Берестнева, А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках (структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты) : специальность 10.02.01, 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Берестнева Александра Валериевна. – Майкоп, 2008. – 247 с.
10. Лукьянова, И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте : специальность 10.02.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лукьянова Ирина Владимировна. – Томск, 2018. – 255 с.
11. Kolahdouz Mandana. Investigating the categories and linguistic patterns in the naming of medicinal plants (2018). *Proceedings of the first national conference on onomastic studies / Iran*, pp. 147–162. – ISBN: 978-600-7030-87-5.
12. Кривошапкина, Л. Г. Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии / под ред. Л. Г. Кривошапкиной. – Тверь : ИПК Парето-Принт, 2018. – 640 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017. – Т. 1-15.
14. Иванов, Б. И. Использование лекарственных растений Якутии / Б. И. Иванов, А. Д. Иванова. – Новосибирск : Наука, 2009. – 189 с.
15. Попов, Г. В. Слова “неизвестного происхождения” якутского языка (Сравнительно-историческое исследование) / Г. В. Попов. – Якутск, 1986. – 148 с.
16. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. – Ленинград : АН СССР, 1959. – Т. 1-3.
17. Иванова, В. И. Двудольные растения окрестностей города Якутска / В. И. Иванова. – Якутск : ЯГУ, 1990. – 159 с.

18. Петров, А. М. Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии = Саха сирин үүнээйилэрин нууччалыы-латынныы-сахалыы ааттарын тылдыгыта / А. М. Петров. – Якутск : СО РАН, 2002. – 136 с.
19. Новгородов, Е. П. Лекарственные растения Оймяконья / Е. П. Новгородов. – Якутск : Бичик, 2003. – 80 с.
20. Гоголева, П. А. Растения аласов : карманный определитель растений / П. А. Гоголева, С. Г. Стручкова, Е. Д. Федорова. – Якутск : [б. и.], 2016. – 32 с.
21. Яковлева, А. И. Аар айылҕа эмтиир күүһэ / А. И. Яковлева. – Якутск : Саха Республикатынааҕы норуот эмчиттэрин ассоциацията, 2009. – 128 с.

References

1. Slepcev, P. A. Saha tylyn istoriyata : SFKF ustud'uonnarygar yorener kinige = Istoriya yakutskogo yazyka : uchebnoe posobie / P. A. Slepcev. – Yakutsk, 2007. – 290 s.
2. Alekseev I.E. Holumtan sylaaha : saha d'aryga, ygehe / Homus Ujbaan [B. F. Neustroev-Mandar Uus uo. d. a. ojuulara]. – Yakutsk : Bichik, 2013. – 157 s.
3. Rubcova, O. G. Nazvaniya lekarstvennyh rastenij v raznostrukturnyh yazykah (na materiale russkogo, marijskogo, nemeckogo i latinskogo yazykov) : special'nost' 10.02.20 «Srvnittel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Rubcova Oksana Gennal'evna. – Joshkar-Ola, 2015. – 218 s.
4. Teliya, V. N. Nominaciya. YAzykoznanie : Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / pod redakciej V. N. YArceva – [izd. 2]. – Moskva : Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1998. – S. 366-367.
5. Shamne, N., Rebrina, L., Petrova et al. (2014) Space of Memory: Interactional and Semantic Aspects. DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/34 // Journal of Language and Literature. No. 4, pp. 147-154.
6. Rodrigo Camara-Lereta and Bascomptea J. (2021) Language extinction triggers the loss of unique medicinal. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2103683118>, Proceedings of the National Academy of Sciences, pp. 1-5. <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2103683118> (data obrashcheniya: 02.09.2022).
7. Merkulova, V. A. O nekotoryh principah etimologii nazvanij rastenij / V. A. Merkulova // Etimologiya. Principy rekonstrukcii i metodika issledovaniya. – Moskva : Nauka, 1965. – С. 72–87.
8. Merkulova, V. A. Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. YAgody. Griby) / V. A. Merkulova. – Moskva : Nauka, 1967. – 260 с.
9. Berestneva, A. V. Nazvaniya ekzoticheskikh rastenij v anglijskom i russkom yazykah (strukturno-slovoobrazovatel'nyj i nominativno-motivacionnyj aspekty) : special'nost' 10.02.01, 10.02.20 «Srvnittel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Berestneva Aleksandra Valerievna. – Majkop, 2008. – 247 s.
10. Luk'yanova, I. V. Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskom aspekte : special'nost' 10.02.01 : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Luk'yanova Irina Vladimirovna. – Tomsk, 2018. – 255 s.
11. Kolahdouz Mandana. Investigating the categories and linguistic patterns in the naming of medicinal plants (2018). Proceedings of the first national conference on onomastic studies / Iran, pp. 147–162. – ISBN: 978-600-7030-87-5.
12. Krivoshapkina, L. G. Ilyustrirovannyj opredelitel' lekarstvennyh rastenij YAKutii / pod red. L. G. Krivoshapkinoj. – Tver' : IPK Pareto-Print, 2018. – 640 s.
13. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka / pod redakciej P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015, 2016, 2017. – T. 1-15.
14. Ivanov, B. I. Ispol'zovanie lekarstvennyh rastenij YAKutii / B. I. Ivanov, A. D. Ivanova. – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 189 s.
15. Popov, G. V. Slova “neizvestnogo proiskhozhdeniya” yakutskogo yazyka (Srvnittel'no-istoricheskoe issledovanie) / G. V. Popov. – Yakutsk, 1986. – 148 s.
16. Pekarskij, E. K. Slovar' yakutskogo yazyka / E. K. Pekarskij. – Leningrad : AN SSSR, 1959. – T. 1-3.
17. Ivanova, V. I. Dvudol'nye rasteniya okrestnostej goroda YAKutska / V. I. Ivanova. – Yakutsk : YAGU, 1990. – 159 s.
18. Petrov, A. M. Slovar' russko-latinsko-yakutskih nazvanij rastenij YAKutii = Saha sirin yneejlerin nuuchchalyy-latyynnyy-sahalyy aattaryn tyld'yta / A. M. Petrov. – Yakutsk : SO RAN, 2002. – 136 s.

19. Novgorodov, E. P. Lekarstvennye rasteniya Ojmyakon'ya / E. P. Novgorodov. – YAkutsk : Bichik, 2003. – 80 s.
20. Gogoleva, P. A. Rasteniya alasov : karmannyj opredelitel' rastenij / P. A. Gogoleva, S. G. Struchkova, E. D. Fedorova. – YAkutsk : [b. i.], 2016. – 32 c.
21. YAkovleva, A. I. Aar ajułıa emtiir kүүhe / A. I. YAkovleva. – YAkutsk : Saha Respublikatynaаsу noruot emchitterin associaciyata, 2009. – 128 s.

С. М. Прокопьева

Сопоставление образности фразеологических единиц с компонентом «снег» в якутском и немецком языках

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: dsmlana@mail.ru

Аннотация. Вскрытие механизмов создания образной картины мира способствует проникновению в тайны когнитивной деятельности человека по творческому освоению мира. Исследование специфики образного мышления конкретного народа является собой сложный ассоциативно-психологический процесс. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью образности лексико-фразеологических систем якутского и немецкого языков. Целью работы является исследование образности фразеологических единиц с компонентом «снег» якутского и немецкого языков. Новизна исследования состоит в антропоцентрической направленности семасиологического и ономасиологического анализов фразеологических единиц с компонентом «снег» якутского и немецкого языков. Рассматриваются вопросы семасиологического и ономасиологического подходов при репрезентации картины мира языковыми единицами косвенной номинации современного якутского и немецкого языков. При анализе комплекса критериев, служащих для идентификации фразеологических единиц (ФЕ): полное или частичное переосмысление компонентного состава, структурная раздельнооформленность, устойчивость лексического состава, воспроизводимость в готовом виде; приоритетное значение придается семантическому критерию, т. е. полному или частичному переосмыслению компонентного состава. Из лексикографических и фразеографических источников якутского и немецкого языков методом сплошной выборки была осуществлена выборка ФЕ с компонентом «снег». В основу исследования положены общенаучные – индуктивный, дедуктивный и сопоставительный методы анализа. Метод компонентного анализа позволяет разложить слова и ФЕ на минимальные значимые части. Для выявления фразеологического значения в сравнении с исходным прототипом используется метод фразеологической идентификации. Семантические категории представлены среди анализируемых единиц полисемией, омонимией, синонимией и антонимией ФЕ с компонентом «снег». Выявлено разнообразие типов узуальных фразеологических вариантов анализируемых ФЕ с компонентом «снег»: субституция субстантивных, глагольных компонентов, вклинивание компонента и фразеологическая конвергенция, что вносит дополнительную коннотацию в восприятие этих образных единиц косвенной номинации. Пространственно-временные отношения достаточно широко эксплицированы в сопоставляемых образных ФЕ. Несмотря на то, что процесс фразеологизации как лингвистический феномен универсален, тем не менее в якутском и немецком языках этот процесс имеет свои экспликативные особенности. Типологическое изучение образного фразеологического пласта неродственных языков может способствовать в перспективе выявлению ментального мировидения человека.

Ключевые слова: коннотация, лексическая единица, фразеологическая единица, сопоставление, семантика, образность, семасиология, ономасиология, темпоральность, локативность.

Для цитирования: *Прокопьева С. М.* Сопоставление образности фразеологических единиц с компонентом «снег» в якутском и немецком языках // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.77.71.003>

ПРОКОПЬЕВА Светлана Митрофановна – д. филол. н., профессор кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: dsmlana@mail.ru

PROKOPIEVA Svetlana Mitrofanovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. M. Prokopieva

Comparison of figurative meaning of phraseological units with the component 'snow' in Yakut and German

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: dsmplana@mail.ru

Abstract. When revealing mechanisms that underline a phraseological worldview, we may penetrate the mysteries of human cognitive activity in creative world perception. Investigating specific patterns of thinking of a particular culture is a complex associative psychological process. Figurativeness of lexical phraseological systems of Yakut and German has not been studied adequately. The purpose of the paper is to investigate figurative meaning of phraseological units with the component 'snow' in Yakut and German. Semasiological and onomasiological analysis of Yakut and German phraseological units with the component 'snow' follows the anthropocentric approach. Semasiological and onomasiological approaches are addressed in representing the worldview through linguistic units of indirect nomination in modern Yakut and German. When analyzing the set of criteria to identify phraseological units (further, PU), the priority is given to the semantic criterion, i.e. a full or partial reinterpretation of components. The criteria for PU identification are: full or partial reinterpretation of components, separate structural formation, fixed lexical composition, reproducibility in fixed form. PU with the component 'snow' were selected from Yakut and German lexicographic and phraseographic sources. We based our research on the following general research methods: induction, deduction, and comparative analysis. Componential analysis allows decomposing words and phraseological units into minimal meaningful parts. To identify the phraseological meaning in comparison with the original prototype, the method of phraseological identification is used. Semantic categories represented in the analyzed units are polysemy, homonymy, synonymy, and antonymy. A variety of usual phraseological variants of the analyzed phraseological units with component 'snow' was revealed – substitution of noun, verb components, intrusion of a component, and phraseological convergence – which introduces additional connotation into perception of these figurative units of indirect nomination. Spatial-temporal relations are quite widely explicated in the compared figurative phraseological units. Despite being a universal linguistic phenomenon, phraseologization process has specific explicative features in the Yakut and German languages. The typological study of the figurative phraseological layer of unrelated languages can contribute to identification of man's mental worldview.

Keywords: connotation, lexical unit, phraseological unit, comparison, semantics, figurativeness, semasiology, onomasiology, temporality, locality.

For citation: *Prokopieva S. M.* Comparison of figurative meaning of phraseological units with the component 'snow' in Yakut and German // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.77.71.003>

Введение

В якутском языкознании существуют отдельные работы, посвященные анализу образных единиц на лексическом и синтаксическом уровнях и в сравнении с отдельными тюркскими и монгольскими языками, но отсутствует междисциплинарный подход в исследовании образности анализируемых языков.

В настоящее время специальные работы, посвященные сопоставительному анализу ФЕ с компонентом «снег» якутского и немецкого языков, отсутствуют.

Целью работы является сопоставление образности фразеологических единиц с компонентом «снег» якутского и немецкого языков. Новизна работы состоит в антропоцентрической направленности семасиологического и ономасиологического анализа фразеологических единиц с компонентом «снег» якутского и немецкого языков.

Материалом исследования послужила выборка фразеологических единиц с компонентом «снег» из 15-томного «Большого толкового словаря якутского языка» [БТСЯЯ] и «Нового большого немецко-русского словаря» [НБНРС].

Решение поставленных в работе цели и задач предопределило выбор методов исследования. Методом сплошной выборки была осуществлена выборка ФЕ с компонентом «снег» из лексикографических источников якутского и немецкого языков. В основу исследования были положены общенаучные – индуктивный и дедуктивный методы анализа. К частным методам относятся метод компонентного анализа, метод фразеологической идентификации и сопоставительный анализ.

В отличие от лексического на фразеологическом уровне происходят более глубинные семантические процессы в силу раздельнооформленности фразеологических единиц. Отечественные и зарубежные ученые занимались исследованием проблемы фразеологического значения ИИ. Чернышева [1], В. Н. Телия [2]; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский [3] и др.

Несмотря на имеющиеся исследования по фразеологии якутского языка, до настоящего времени нет полного описания фразеологической системы якутского языка. Подробные обзоры состояния изученности фразеологии якутского языка представлены в работах А. Г. Нелунова [4], С. М. Прокопьевой [5, 6].

Специальные разделы посвящены фразеологии якутского языка в работах П. С. Афанасьева [7], Е. И. Убрятовой [8].

Важным для становления и развития фразеологической науки якутского языка явились работы А. Г. Нелунова. Его монография «Глагольная фразеология якутского языка» [4] является первым глубоким исследованием по теоретическому осмыслению актуальных проблем фразеологии и широте охвата глагольных фразеологизмов современного якутского языка.

Во фразеологии отражено все национальное своеобразие языка. ФЕ являются единицами косвенной номинации, релевантным признаком которых является доминантность коннотативного компонента в семантической структуре ФЕ. Несмотря на то, что процесс фразеологизации как лингвистический феномен универсален, тем не менее в якутском языке этот процесс имеет свои экспликативные особенности. Это происходит в силу того, что ФЕ как структурно раздельнооформленные и семантически переосмысленные образования являются единицами вторичной номинации, в отличие от языковых единиц прямой номинации, таких как фонема, морфема, слово. ФЕ как устойчивые словесные комплексы выполняют как номинативную и аксиологическую функции, так и функции хранения и фиксации всего комплекса знаний и представления языкового общества о мире и для передачи накопленных знаний последующим поколениям.

Гетерогенность фразеологической семантики позволяет заполнить лакуны лексической номинации, обозначить отдельные и целые совокупности элементов концептуальной картины мира вплоть до экстралингвистических ситуаций, установить те аспекты картины мира, которая непосредственно проникает в формативы языковых единиц косвенной номинации.

Коннотативный компонент как полноправный член входит в структуру фразеологического значения наряду с денотативным и сигнификативным компонентами. Под коннотативным компонентом значения ФЕ понимается оценочная информация, присутствующая в семантической структуре ФЕ и сообщающая ей экспрессивность [5]. Таким образом, коннотативный компонент значения фразеологизма составляет его основной концепт, функциональную значимость, в соответствии с которой ФЕ появляется в парадигматических отношениях на уровне отбора. Образная маркированность семантики компонентов в составе ФЕ связана с антропометрическим параметром и релевантна для образования ФЕ.

Решение данной проблемы актуально в наши дни в связи с прорывными исследованиями в области искусственного интеллекта, развитием корпусной лингвистики, постепенным накоплением научных материалов, цифровизацией работы филологов.

Семасиологический аспект исследования ФЕ с компонентом «снег» якутского и немецкого языков

БТСЯ содержит в составе многозначного слова «снег» 2 лексико-семантических варианта и 72 устойчивых словосочетания, в том числе 83% с мотивированными значениями компонентов и 17% с глобальным переосмыслением компонентного состава ФЕ. В НБРС кодифицированы 3 лексико-семантических варианта слова «Schnee», 6 ФЕ с компонентом «Schnee» и 137 сложных слов, в том числе 121 субстантивных, 15 адъективных и 1 глагольное сложное слово. Образность ФЕ подчеркнута стилистическими пометами в лексико-графических источниках якутского и немецкого языков: **хаар баттыыр** *разг.* – годы берут свое; **хаарынан сэриилэс (бырабыс)** *разг.* – играть в снежки; «уу» **диэбитэ – хаар**, «хаар» **диэбитэ уу** – *неодобр.* любитель сочинять, выдумывать, враль, лгун (*букв.* сказал «вода» – [а это] снег, сказал «снег» – [а это] вода); **und wenn der ganze Schnee verbrennt (die Asche bleibt uns doch)** – *разг., шутл.* даже если камни с неба посыпятся [даже если небо упадет на землю] (это нас не остановит); **sich freuen wie ein Schneekoenig** – *разг., шутл.* петь от радости, ликовать; **Schnee vom letzten [vergangenen] Jahr** – *разг.* прошлогодний снег (о том, что давно прошло и никого не интересует); **Schnee von gestern [vorgestern]** – *разг.* прошлогодний снег (о том, что давно прошло и никого не интересует).

Исследователями немецких ФЕ при определении границ, ядра и периферии фразеологии были приведены различные классификации устойчивых словесных комплексов И. И. Чернышевой [1], В. Флайшером [9], Х. Бургером [10], Д. О. Добровольским [11], К. Пальм [12], Е. Мичри [13].

Согласно структурно-семантической классификации ФЕ по характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава, различаются фразеологические единства, фразеологические выражения и фразеологические сочетания [1]. Во ФЕ с компонентом «снег» якутского и немецкого языков представлены все вышеуказанные типы.

I. В группу фразеологических единств входят как устойчивые словесные комплексы, немотивированные по семантике значениями составляющих их компонентов, так и устойчивые словесные комплексы с мотивированным значением составляющих их компонентов.

К первым относятся идиомы, значение которых полностью переосмыслено и не мотивировано значением составляющих их компонентов, например: **элбэх хаар уулунна** – *соотв.* много воды утекло; **хаар баттыыр** *разг.* – годы берут свое; **und wenn der ganze Schnee verbrennt (die Asche bleibt uns doch)** – *разг., шутл.* даже если камни с неба посыпятся [даже если небо упадет на землю] (это нас не остановит); **anno [im Jahre] Schnee** – *австр.* при царе Горохе; сто [тысячу] лет назад.

Ко вторым относятся ФЕ, значение которых частично переосмыслено и мотивировано значением составляющих их отдельных компонентов, например: **хаар хайа буол** – быть, казаться непреодолимой, неразрешимой проблемой (*букв.* снежной горой стать); **хаар сурга** – следы зверей и птиц на снегу; **das Eiweiss zu Schnee schlagen** – взбить яичный белок; **sich freuen wie ein Schneekoenig** – *разг., шутл.* петь от радости, ликовать.

II. Фразеологическими выражениями являются единицы, соответствующие по грамматической структуре предикативным сочетаниям слов и предложениям. Например:

Сииккэ сииллэ, хаарга хаамта – предпринимать что-либо впустую, без пользы, тратить силы напрасно.

<Сыа> хаары бааһырдан сырыт – буору бааһырт (бааһырда сырыт) – стать немощным, доживать последние дни.

«Уу» диэбитэ – хаар, «хаар» диэбитэ уу – *неодобр.* любитель сочинять, выдумывать, враль, лгун (*букв.* сказал «вода» – [а это] снег, сказал «снег» – [а это] вода).

Schmelzen [dahinschmelzen] wie Schnee an der Sonne – таять на глазах.

III. К фразеологическим сочетаниям, в составе которых один компонент имеет переосмысленное значение, относятся, например: **хаар киһи** – снежная баба; **хаар хаһыг** – большие заморозки с толстым слоем инея, образующего снежный покров на земле глубокой осенью или поздней весной (*иногда даже позже*); **хаар холорук** – снежный вихрь; **aus dem Jahre Schnee** – *австр.* древний.

При помощи сравнения, т. е. построения образной структуры ФЕ с компонентом «снег» на основе уподобления одного предмета (в широком смысле) другому, у которого предполагается наличие признака общего с первым. Во ФЕ снег сравнивается с зоонимами, орнитонимами и флоронимами якутского языка:

1. **Зоонимы:** **кубах түүтэ хаар** – снег, падающий мелкими мягкими хлопьями; **кырса хаар** – снег, падающий большими хлопьями, толстым слоем покрывающий землю; **хаар сылгыта (убаһата)** – лошадь (*кобыла, жеребец*), зимующая на лугу, добывая корм копытами из-под снега.

2. **Орнитонимы:** **тулдук хаара** – мелкий весенний снег, выпадающий в период прилёта пуночек; **тураах хаара** – весенний снег, выпадающий большими хлопьями в период прилёта вороны; **хаар (куба, муус, туус) манан** – белоснежный, белый как снег, ослепительно белый; **хаар чыгычааҕа (чооруоһа) зоол.** – чечётка обыкновенная (*белая тундровая птичка*); **хаар эбэ** – полярная сова, лунь.

3. **Флороним:** **хаар төбө** – съедобный гриб с широкой белой, мохнатой по краю шляпкой, груздь.

В немецком языке отсутствуют ФЕ с компонентом «снег» с вышеназванными компонентами: зоонимами, орнитонимами и флоронимами, как в якутском языке. Зато образованы 137 сложных слов с компонентом «снег». Следует отметить, что характерной особенностью немецкого языка является то, что самым продуктивным способом словообразования является словосложение [14]. Мы остановимся на анализе двух типов словосложения, традиционно выделяемых исследователями, а именно, на детерминативных и сочинительных сложных словах [14]. Детерминативные сложные слова по характеру отношений между компонентами до известной степени соотносимы с именными и глагольными словосочетаниями, поскольку их второй компонент уточняется (определяется, дополняется) первым. Например: **Schneebblindheit** – снежная слепота; **Schneefall** – снегопад; **Schneefraese** – снегоуборочная машина; фрезерный снегоочиститель; **Schneemann** – снеговик.

Сочинительные (копулятивные) сложные слова состоят из двух и более семантически равноправных компонентов и могут быть сопоставлены со словесными рядами. Например: **schneearm** – малоснежный; **schneebedeckt** – покрытый снегом, заснеженный; **schneefrei** – свободный от снега; **schneeglatt** – скользкий; **schneeweiss** – белоснежный.

Семантические категории представлены среди анализируемых единиц полисемией, омонимией, синонимией и антонимией ФЕ с компонентом «снег» якутского и немецкого языков.

Из многозначных ФЕ якутского и немецкого языков представлены лишь омонимичные ФЕ с компонентом «снег», полисемантические ФЕ не представлены среди анализируемых единиц. Примерами многозначных ФЕ с компонентом «снег» с дивергентными направлениями переноса [6] являются: **хаарды хаамп** – 1) с легкостью усваивать, 2) легко одержать

верх над кем-л. (напр., в состязании), 3) дойти до последней степени наглости, обнаглеть; **Phantasie mit Schneegestoeber** – *шутл.* 1. плод фантазии (*или* воображения), досужий вымысел; 2. то, что удалось приготовить из остатков пищи; в немецком языке наличествуют сложные слова с компонентом «снег»: **Schneeball** – 1. снежок, 2. *бот.* калина; **Schneeziege** – 1. *с.-х.* снежная коза; 2. *зоол.* снежная коза; **Schneepflug** 1. *снец.* снегоочистительный плуг, снегопах; 2. «плугом», торможение «плугом» (горные лыжи); **Schneeschuh** 1. снегоступ; 2. *уст.* лыжа; **Schneeverfahren** 1. *ком.* принцип «снежного кома» (получение скидки клиентом при условии привлечения других клиентов), 2. передача сведений по цепочке (от одного к другому).

Из трех видов антонимических корреляций [15] представлена контрарная антонимия среди ФЕ с компонентом «снег» лишь в якутском языке: **чигди хаар** – утоптаный, затвердевший снег; **тогуу хаар** – цельный, свежий, не протоптанный глубокий снег.

Ономасиологический аспект исследования ФЕ с компонентом «снег»

Феномен пространства является одним из базовых для человека, как одна из основных форм бытия. Фразеологические единицы с пространственной семантикой передают от одного поколения к другому ментальный опыт, эксплицируя в своей образной семантике длительный процесс развития человеческого общества и культуры.

Современный ракурс рассмотрения когнитивных сдвигов в семантике темпоральных лексем подробно исследован М. Н. Конновой [16].

Пространственно-временные отношения нашли свое отражение в образных ФЕ с компонентом «снег».

Темпоральная вербализация снега представлена следующими ФЕ якутского языка:

1. Предвестники снегопада: **хаар былгыта** – низкие тёмные облака, приносящие снег.
2. Первый снег: **кыраһа хаар** – первый снег; **хаар кыырпаҕа** – снежинка; **симинн хаар** – чистый свежевывающий снег.
3. Виды снегопада: **ньоолах хаар** – мягкий пушистый снег, плавно падающий большими хлопьями; **көмнөх хаар** – густой, обильный снег, идущий хлопьями; **тобурах хаар** – атмосферные осадки в виде округлых частичек льда, град.
4. Внешняя характеристика выпавшего снега: **көбүөрүннүк хаар** – мягкий пушистый как пепел снег, лёгший на землю; **көп хаар** – рыхлый пушистый снег, копной лежащий *на чөм-л.* (напр., на ветвях); **күрдүк хаар** – снег, сгребённый в кучу, сугроб; **кыйыр хаар** – утоптаный скрипучий снег; **тонот хаара** – ледяная корка на поверхности снега, наст; **тогуу хаар** – цельный, свежий, не протоптанный глубокий снег; **тон хаар** – затвердевший от холода зимний снег; **хаар хаһын** – большие заморозки с толстым слоем инея, образующего снежный покров на земле глубокой осенью или поздней весной (*иногда даже позже*).
5. Очистка снега: **хаар түһэриитэ** – сбрасывание снега с крыш домов или других сооружений по весне.

Пространство, которое проживает и переживает человек, получает свое отражение в языке. Категория пространства исследована В. Г. Гаком [17], Е. С. Кубряковой [18] и другими учеными. Фразеологическая картина мира является благодатной почвой для изучения национальной языковой модели мировидения. Во фразеологии запечатлены особые формы категориального восприятия пространства, имеющего свои особенности в разных культурах.

Локативность представлена в якутском языке ФЕ с компонентом «снег»: **хаар хайа буол** – быть, казаться непреодолимой, неразрешимой проблемой (*букв.* снежной горой стать); **хаар суруга** – следы зверей и птиц на снегу; **хаар сиэһиитэ** – проталины, появляющиеся в весенний период, когда начинает таять снег (*начало апреля*); **көбүөрүннүк хаар** –

мягкий пушистый как пепел снег, лёгший на землю; **күрдүк хаар** – снег, сгребённый в кучу, сугроб; **тогот хаара** – ледяная корка на поверхности; снега, наст; **хаар хаһын** – большие заморозки с толстым слоем инея, образующего снежный покров на земле глубокой осенью или поздней весной (*иногда даже позже*).

В немецком языке локативность эксплицирована 1 ФЕ с компонентом «снег», и детерминативными и копулятивными сложными словами: **schmelzen [dahinschmelzen] wie Schnee an der Sonne** – таять на глазах; **Schneeberg** – гора снега, (большой) сугроб; **Schneebruecke** – остатки (снежной) лавины над ущельем или рекой (в виде моста); **Schneedecke** – снежный покров; **Schneefeld** снежное поле; **Schneelandschaft** – заснеженная местность, заснеженный ландшафт; **Schneelehne** – *австр.* снежный склон; **Schneehang** – заснеженный (снежный) склон; **Schneehaube** – *поэт.* снежная шапка (снег, покрывающий что-л.); **Schneehaufen** – сугроб, куча снега; **Schneehimmel** – *редко* снежное небо (покрытое снеговыми облаками); **Schneehoehle** – снежная пещера; пещера в снегу, **schneebedeckt** – покрытый снегом, заснеженный; **schneefrei** – свободный от снега; **schneeglatt** – скользкий; **schneeweiss** – белоснежный.

Время наряду с пространством считается всеобщей формой бытия материи. Все события, явления в мире и в языке обладают пространственно-временными свойствами. Проследим номинализацию темпоральности во временах года образными ФЕ.

Осеннее время года отражено в следующих ФЕ с компонентом «снег»: **соноп хаар** – первый осенний снег (по которому удобно проследивать зверя); **кырымах хаар** – первый осенний мелкий снег, пороша; **сыа хаар** – свежевыпавший снег; **оксүөн хаар** – снег вперемежку с дождём поздней осенью, осеннее ненастье со снегом; **сойуо хаара** – первый снег после заморозков, на котором легко прослеживаются следы преследуемого зверя; **кыс хаар** – выпадающий поздней осенью обильный снег, остающийся на зиму.

Зимнее состояние снега охарактеризовано следующими ФЕ с компонентом «снег»: **тогот хаара** – ледяная корка на поверхности снега, наст; **сыарҕа хаара** – слой снега, позволяющий ездить на санях; **чигди хаар** – утопанный, затвердевший снег; **кыстык хаар** – выпавший на всю зиму нетающий снег; **кыс хаар ортоото** – в середине зимы, глубокой зимой.

Для описания снега в весенний период года образованы следующие ФЕ с компонентом «снег»: **хаар ууга** – весеннее половодье, вызванное таянием снега; **хаар хайдар** – весенний период, когда начинают появляться проталины; **хаар алдьаныгыта** – период весенней распутицы как следствие таяния снега; **синэ хаара** – талый водянистый снег в период весенней оттепели, снег с водой; **сылбыйа хаара** – мокрый, вязкий снег в период весенней оттепели; **хомурах хаар** – нижний рыхлый, в виде ледяной крупы слой снега (*обычно в весеннее время*); **көмүрүө хаар** – крупнозернистый пласт в нетронutom глубоком снеге, нижний рыхлый, крупнозернистый весенний снег; **хаар сизһинитэ** – проталины, появляющиеся в весенний период, когда начинает таять снег (*начало апреля*).

Образная палитра концепта «снег» репрезентирована ономазиологическим разнообразием ФЕ якутского и немецкого языков, в данном случае синонимией ФЕ с компонентом «снег»: **хаары харбат** – оставить ни с чем, с пустыми руками, **хаары ыгыс (ыгыһан хаал)** – остаться ни с чем, с пустыми руками; **көбүөрүннүк хаар** – мягкий пушистый как пепел снег, **куобах туутэ хаар** – мягкий, пушистый снег; **сыа хаар** – свежевыпавший снег, **сана хаар** – свежевыпавший снег, покрывший землю; **сыл (сыллар, күн-дьыл көмнөҕө) хаара сабар** – (с тех пор) много воды утекло и (много) забыто, **элбэх хаар уулунна** – *соотв.* много воды утекло; **Schnee von gestern [vorgestern], Schnee vom letzten [vergangenem] Jahr** – *разг.* прошлогодний снег (о том, что давно прошло и никого не интересует); **aus**

dem Jahre Schnee – *австр.* древний и **anno [im Jahre] Schnee** – *австр.* при царе Горохе; сто [тысячу] лет назад.

В немецком языке имеются синонимичные сложные слова, образованные с компонентом «снег»: **Schneemonat; Schneemond** – *уст.* январь. Если в немецком языке описание концепта «снег» выражается многочисленными лексическими единицами, в частности сложными словами, то в якутском языке большой образной палитрой отличаются ФЕ с компонентом «снег».

Особо следует отметить разнообразие типов узуальных фразеологических вариантов анализируемых ФЕ с компонентом «снег»: субституцию субстантивных, глагольных компонентов, вклинивание компонентов и фразеологическую конвергенцию, что вносит дополнительную коннотацию в восприятие этих образных единиц косвенной номинации.

Рассмотрим виды узуальных вариантов среди ФЕ с компонентом «снег» в якутском языке:

Субституция субстантивного компонента: **хаар сылгыта (убаһата)** – лошадь (*кобыла, жеребец*), зимующая на лугу, добывая корм копытами из-под снега; **хаар чыгычааҕа (чооруоһа)** *зоол.* – чечётка обыкновенная (*белая тундровая птичка*); **хаар (куба, муус, туус) манан** – белоснежный, белый как снег, ослепительно белый; **сыл (сыллар, күндүүл көмнөбө) хаара сабар** – (с тех пор) много воды утекло и (много) забыто.

Субституция глагольного компонента: **хаары ытыс (ытыһан хаал)** – остаться ни с чем, с пустыми руками; **хаар типтэриитэ (хаары типтэриит)** *т.-х.* – размётывание снега в пашнях с целью орошения; **хаарынан сэриилэс (быраҕыс)** *разг.* – играть в снежки.

Вклинивание субстантивного компонента: **түүмэх кыраһа <хаар>** – редкая, негустая пороша, едва прикрывающая землю, слабый сверкающий снегопад.

Фразеологическая конвергенция: субституция глагольных и вклинивание субстантивного компонентов: **<сыа> хаары бааһырдан сырыт – буору бааһырт (бааһырда сырыт)** – стать немощным, доживать последние дни.

Для ФЕ с компонентом «снег» немецкого языка характерны:

Субституция глагольного компонента: **schmelzen [dahinschmelzen] wie Schnee an der Sonne** – таять на глазах.

Субституция адъективного компонента: **Schnee vom letzten [vergangenen] Jahr** – *разг.* прошлогодний снег (о том, что давно прошло и никого не интересует).

Субституция адвербиального компонента: **Schnee von gestern [vorgestern]** – *разг.* прошлогодний снег (о том, что давно прошло и никого не интересует).

Субституция компонентов, относящихся к разным частям речи: **anno [im Jahre] Schnee** – *австр.* при царе Горохе; сто [тысячу] лет назад.

Анализируемые единицы якутского и немецкого языков служат также основой для образования диалектных ФЕ с компонентом «снег»: **сомунах хаар** *диал.* – рыхлый снег, покрывающий землю; **хаар ойуун** *диал.* – полярная сова, лунь; **хаардаах сылгы** *диал.* – конский молодец старше одного года; **aus dem Jahre Schnee** – *австр.* древний снег; **anno [im Jahre] Schnee** – *австр.* при царе Горохе; сто [тысячу] лет назад; **Schneekoenig** – *вост., ср.нем.* крапивник. К сожалению, в якутском языке диалектные ФЕ с компонентом «снег» даны в 15-томном Толковом словаре якутского языка с общим указанием на диалектность без точного названия ареальной принадлежности языковых единиц, в то время как ФЕ немецкого языка – с точным указанием территориальной принадлежности.

ФЕ с компонентом «снег» якутского языка также используются в качестве терминов: **хаар чыгычааҕа (чооруоһа)** *зоол.* – чечётка обыкновенная (*белая тундровая птичка*); **хаар типтэриитэ (хаары типтэриит)** *т.-х.* – размётывание снега в пашнях с целью оро-

шения; и сложные слова немецкого языка с компонентом «снег»: **Schneebaellchen** – кул. картофельная клецка; **Schneehemd** – воен. маскировочный халат (для маскировки в снегу); **Schneeammer** – зоол. пуночка; **Schneebeere** – бот. снежнаягодник; **Schneegans** – зоол. гусь белый; **Schneehahn** – зоол. белая куропатка; **Schneehase** – зоол. заяц-беляк; **Schneekranich** – зоол. журавль белый (сибирский); **Schneesturmvoegel** – зоол. буревестник арктический; **Schneegloeckchen** – бот. подснежник; **Schnee leopard** – зоол. ирбис, (снежный) барс; **Schneeschat** – зоол. снежный баран, чубук.

Заключение

Проанализированные материалы и накопленный исследовательский корпус способствуют выявлению универсалий и уточнению национально-культурной специфики сопоставляемых языков. Этот факт свидетельствует об индивидуальности образного мышления конкретного народа, а также говорит о различиях в ценностной картине мира разных народов, проживающих на отдаленных друг от друга территориях.

1. Квантитативное отличие ФЕ с компонентом «снег» якутского и немецкого языков кодифицировано в лексикографических источниках: в «Большом толковом словаре якутского языка» [1] в составе многозначного слова «хаар», имеющего 2 лексико-семантических варианта, наличествуют 72 устойчивых словосочетания; в «Новом большом немецко-русском словаре» содержится 3 лексико-семантических варианта слова «Schnee», 6 ФЕ с компонентом «Schnee» и 137 сложных слов.

2. Среди ФЕ якутского и немецкого языков с компонентом «снег» представлены все группы структурно-семантической классификации ФЕ.

3. Из семантических категорий представлены синонимия, омонимия и антонимия ФЕ. Для ФЕ с компонентом «снег» якутского языка характерна широкая палитра узуальной вариантности компонентного состава: субституция субстантивного, глагольного компонента, вклинивание субстантивного компонента и фразеологическая конвергенция, в то время как в немецком языке наличествуют субституция глагольного, адъективного, адвербиального компонента и компонентов, относящихся к разным частям речи.

4. Отдельные ФЕ с компонентом «снег» якутского языка имеют в своем составе зоонимы, орнитонимы и флоронимы, которые полностью отсутствуют в немецком языке.

5. Среди анализируемых ФЕ имеются диалектные и терминологические единицы.

Результаты данного исследования послужат в дальнейшем устранению существующих лагун в изучении образного пласта якутского и немецкого языков и развитию сравнительного и типологического анализа родственных и неродственных языков. Изучение образного пласта языка может способствовать в перспективе реконструкции общих и национально-специфических характеристик, этногенетических выводов и заключений об особенностях ментального мировидения человека. Огромную роль в этом играют словари, так как они служат неисчерпаемым источником для научных изысканий не только в области якутской и немецкой филологии, но и в русле когнитивно-типологических исследований различных языковых семей.

Принятые сокращения

1. бол. – бологурский;
2. лен. – ленский;
3. сунт. – сунтарский;
4. верх. – верхоянский;
5. мег-канг. – мегино-кангаласский;
6. олекм. – олекминский.

Источники

1. БТСЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / Под общей редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010-2018.
2. НБНРС – Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т. / под общим руководством Д. О. Добровольского. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – Т. III. R-Z. – 1263 с.

Литература

1. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва : Высшая школа, 1970. – 200 с.
2. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – Москва : Наука, 1993. – С. 302-314.
3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии. / А. Н. Баранов, О. Д. Добровольский. – Москва : Флинта – Наука, 2016. – 312 с.
4. Нелунов, А. Г. Глагольная фразеология якутского языка / А. Г. Нелунов. – Якутск : Книжное издательство, 1981. – 128 с.
5. Прокопьева, С. М. Проблемы фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национального в фразеологической системе языка / С. М. Прокопьева. – Москва : Мир книги, 1995. – 163 с.
6. Prokopieva, S. M. Divergence of direction of semantic transfer on the phraseological level / S. M. Prokopieva // Life Science Journal. – 2014. – Volume 11. – No. 8. – Pp. 130-134.
7. Афанасьев, П. С. К изучению типов многозначных слов в якутском языке / П. С. Афанасьев // Якутский язык : Лексика, семантика : сборник научных трудов. – Якутск : ЯНЦ СО АН СССР, 1987. – С. 31-45.
8. Убрятова, Е. И. Краткий грамматический очерк якутского языка / Е. И. Убрятова // Якутско-русский словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – С. 571-605.
9. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 230 S.
10. Burger, H. Phraseologie / H. Burger. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 239 S.
11. Dobrovolskij, D. O. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik / D. O. Dobrovolskij // Linguistische Studien. Leipzig : VEB Verlag Enzyklopaedie, 1988. – 264 S.
12. Palm, C. Phraseologie / C. Palm. Tuebingen : Guenter Narr Verlag, 1995. – 130 S.
13. Mitschri, E. Zur semantischen Klassifizierung der idiomatischen attributiven Wortverbindungen mit substantivischem Kern in der deutschen Gegenwartssprache / E. Mitschri // Beitrage zur Erforschung der deutschen Sprache. Band 2. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 290 S.
14. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – Москва : Высшая школа, 1962. – 400 с.
15. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.
16. Коннова, М. Н. Когнитивные сдвиги в семантике темпоральных лексем : корпусный аспект / М. Н. Коннова // Методы когнитивного анализа семантики слова. Компьютерно-корпусный подход / под общей редакцией В. И. Заботкиной. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.
17. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка : Языки пространств / Ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-135.
18. Кубрякова, Е. С. Виды пространства, текста и дискурса / Е. С. Кубрякова // Категоризация мира : пространство и время : Материалы научной конференции. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – С. 19-20.

Sources

1. БТСЯ – Great explanatory dictionary of the Yakut Language: in 15 Vol. / Ed. by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2010-2018.

2. НБНРС – New great German-Russian dictionary. in 3 Vol. / Ed. by D. O. Dobrovol'skij. – Moscow: AST Astrel', 2010. – Vol. III. R-Z. – 1263 p.

References

1. CHernysheva, I. I. Frazеологія сoвременного немецкого языка / I. I. CHernysheva. – Moskva : Vysshaya shkola, 1970. – 200 s.
2. Teliya, V. N. Kul'turno-nacional'nye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) / V. N. Teliya // Slavjanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. – Moskva : Nauka, 1993. – S. 302-314.
3. Baranov, A. N. Osnovy frazeologii. / A. N. Baranov, O. D. Dobrovol'skij. – Moskva : Flinta – Nauka, 2016. – 312 s.
4. Nelunov, A. G. Glagol'naya frazeologiya yakutskogo yazyka / A. G. Nelunov. – YAkutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1981. – 128 s.
5. Prokop'eva, S. M. Problemy frazeologicheskoy obraznosti v issledovanii universal'no-tipologicheskogo i nacional'nogo v frazeologicheskoy sisteme yazyka / S. M. Prokop'eva. – Moskva : Mir knigi, 1995. – 163 s.
6. Prokopieva, S. M. Divergence of direction of semantic transfer on the phraseological level / S. M. Prokopieva // Life Science Journal. – 2014. – Volume 11. – No. 8. – Pp. 130-134.
7. Afanas'ev, P. S. K izucheniyu tipov mnogoznachnyh slov v yakutskom yazyke / P. S. Afanas'ev // YAkutskij yazyk : Leksika, semantika : sbornik nauchnyh trudov. – YAkutsk : YANC SO AN SSSR, 1987. – S. 31-45.
8. Ubryatova, E. I. Kratkij grammaticheskij ocherk yakutskogo yazyka / E. I. Ubryatova // YAkutskorusskij slovar'. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1972. – S. 571-605.
9. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. – 230 S.
10. Burger, H. Phraseologie / H. Burger. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 239 S.
11. Dobrovol'skij, D. O. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik / D. O. Dobrovol'skij // Linguistische Studien. Leipzig : VEB Verlag Enzyklopaedie, 1988. – 264 S.
12. Palm, C. Phraseologie / C. Palm. Tuebingen : Guenter Narr Verlag, 1995. – 130 S.
13. Mitschri, E. Zur semantischen Klassifizierung der idiomatischen attributiven Wortverbindungen mit substantivischem Kern in der deutschen Gegenwartssprache / E. Mitschri // Beitrage zur Erforschung der deutschen Sprache. Band 2. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 290 S.
14. Stepanova, M. D. Leksikologiya sovremennogo немецкого языка / M. D. Stepanova, I. I. CHernysheva. – Moskva : Vysshaya shkola, 1962. – 400 s.
15. Kobozeva, I. M. Lingvisticheskaya semantika / I. M. Kobozeva. – Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 352 s.
16. Konnova, M. N. Kognitivnye sdvigi v semantike temporal'nyh leksem : korpusnyj aspekt / M. N. Konnova // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova. Komp'yuterno-korpusnyj podhod / pod obshej redakciej V. I. Zobotkinoy. – Moskva : YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2015. – 344 s.
17. Gak, V. G. Prostranstvo vne prostranstva / V. G. Gak // Logicheskij analiz yazyka : YAzyki prostranstva / Otvetstvennye redaktory N. D. Arutyunova, I. B. Levontina. – Moskva : YAzyki russkoj kul'tury, 2000. – S. 127-135.
18. Kubryakova, E. S. Vidy prostranstva, teksta i diskursa / E. S. Kubryakova // Kategorizaciya mira : prostranstvo i vremya : Materialy nauchnoj konferencii. – Moskva : Dialog-MGU, 1997. – S. 19-20.

*Г. Г. Филиппов***Категория притворства и симулятивности в якутском языке**Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: filippovgg@mail.ru

Аннотация. В тюркском языкознании категорию притворства и симулятивности называют модальностью глагола. Она образуется перифрастической аналитической формой причастия результирующего прошедшего времени в сочетании с глаголом буол-. Ее выявили исследователи аналитических и перифрастических форм тюркского глагола А. Н. Кононов, М. С. Михайлов, П. И. Кузнецов, Ф. А. Ганиев, Д. Г. Тумашева, К. С. Сулейманов, М. С. Мардиева и др. Она характерна во многих тюркских языках, но в грамматиках ее не все исследователи замечают, поэтому не включают как особую категорию глагола. В якутском языке эту модальность отметили Е. И. Убрятова, Е. И. Коркина и Н. Е. Петров., но как особую модальную форму глагола до сих пор не описали в грамматике якутского языка. Это, видимо, связано тем, что: во-первых, в якутском языкознании до сих пор аналитические и перифрастические формы глагола монографически не исследованы; во-вторых, тем, что статус категории притворства и симулятивности не определена в грамматике якутского глагола. Автор данной статьи солидарен с исследователями тюркского глагола в том, что категория притворства и симулятивности является аналитической формой глагола, но сомневается в определении ее статуса как модальной формы глагола. По способу образования эта форма относится к причастиям и глаголообразованию т. е. перифрастическим формам, а по содержанию – видо-временной категории (результативному прошедшему времени), а по отношению к реальной действительности – притворно-симулятивному действию. Таким образом, категория притворства и симулятивности в грамматике якутского языка должна описываться в разделе причастных аналитических форм глагола под статусом видо-время-модальных категорий.

Ключевые слова: категория притворства, симулятивности, причастие, глагол, аналитическая, перифрастическая, видо-временная форма, модальность.

Для цитирования: *Филиппов Г. Г.* Категория притворства и симулятивности в якутском языке // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.46.72.004>

*G. G. Filippov***Category of pretense and simulation in the Yakut language**M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: filippovgg@mail.ru

Abstract. In Turkic linguistics, the category of pretense and simulation is called the modality of the verb. It is formed by the periphrastic analytical form of the participle of the productive past tense in combination with the verb *buol-*. It was identified by researchers of analytical and periphrastic forms of the Turkic verb Kononov, Mikhailov, Kuznetsov, Ganiev, Tumasheva, Suleymanov, Mardieva, and others. It is characteristic in many Turkic languages, but not all researchers notice it in grammars; therefore they do not include it as

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почётный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast of Russia, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

a special category of the verb. In the Yakut language, this modality was noted by Ubryatova, Korkina and Petrov, but as a special modal form of the verb has not yet been described in the grammar of the Yakut language. This is probably due to the fact that: firstly, in Yakut linguistics, the analytical and periphrastic forms of the verb have not yet been monographically studied; secondly, the status of the category of pretense and simulation is not defined in the grammar of the Yakut verb. The author of this article agrees with the researchers of the Turkic verb that the category of pretense and simulation is an analytical form of the verb, but is mistaken in determining its status as a modal form of the verb. According to the method of formation, this form refers to participles and verb formation, i.e. periphrastic forms, and according to the content – a kind-time category (effective past tense), and in relation to real reality – a pretended-simulative action. Thus, the category of pretense and simulation in the grammar of the Yakut language should be described in the section of participial analytical verb forms under the status of view-time-modal categories.

Keywords: category of pretense, simulation, participle, verb, analytical, periphrastic, species-temporal form, modality.

For citation: *Filippov G. G.* Category of pretense and simulation in the Yakut language // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.46.72.004>

Введение

Категория притворства и симулятивности в якутском языке образуется при помощи сочетания глагола буол- „быть, стать“ с причастием прошедшего времени на -быт/-батах и аффикса 3/го лица на -а притяжательного спряжения: -быта/-батаҕа буол-. Например, *Эн бу кинигэни аахпытта буол.* – Ты кажись будто читаешь эту книгу. *Эн кинини көрбөтөбө буол.* – Ты кажись будто его не смотришь (видишь). Основа аналитической формы притворства на -быта/-батаҕа буол- имеет семантику вневременного настоящего времени, хотя она образована причастием результативного (давнопрошедшего) прошедшего времени на -быт/-батах. Это, видимо, связано тем, что сочетанием модального глагола буол- с причастиями образуется не форма времени, а основа нового глагола с определенным видо-модальным значением притворства, при которой все формообразовательные и функциональные формы присоединяются к ней.

Глагол буол- ‘будь, быть, стать’, как и в других тюркских языках, образует в якутском языке с именами и причастиями конструкции, которые проявляют себя как сложный глагол со значением, близким к словообразованию с аффиксом -лаа: *учуутал буол-* ‘быть, стать учителем’; *учуутал + лаа-* ‘быть, стать учителем, учительствовать’.

Сочетания имен с глаголом буол- считаются в тюркских языках сложным, составным глаголом, а сочетания причастий с этим же глаголом буол- обычно называют формообразованием со значениями времени, вида [1, 2], или модальности [3]. В якутском языкознании форму, образованную от причастий при помощи глагола буол-, гын-, онор-, называют сложным или составным глаголом [4–6]. Данная конструкция выступает как отдельное слово: 1) имеет глагольную семантику *барыах буол-* ‘согласиться ехать’; *саныыр буол-* ‘временами вспоминать’, *ыллыыр буол-* ‘обычно стать петь’, *барбыт буол-* ‘быть уходящим’ и т. д.; 2) от нее могут образоваться другие глагольные формы: причастия, деепричастия, наклонения.

В данной конструкции аффикс залога присоединяется только к основе причастия (*уур + улун + уөх буол-* ‘быть изгнанным’), а аффиксальные формы вида могут примкнуть и к слову буол-, и к основе причастия (*көр + үтэлээ + иэх буол-* ‘присматривающим быть, стать’ или *көрүөх буол + уталаа-* ‘несколько раз стать смотрящим’). Остальные функциональные глагольные формы присоединяются только к слову буол-. Подобная внутренняя структура отмечается и в аналогичных перифрастических формах других тюркских языков [7].

По своему значению каждая причастная конструкция с глаголом *буол-* имеет своеобразие, что зависит в основном от: 1) семантики причастия; 2) значения присоединяемых к глаголу *буол-* аффиксов; 3) структуры предложения или от семантики сочетающихся основы причастия и слова *буол-*. Например, описательная форма причастия на *-ых* имеет два значения: во-первых, *приобретения* нового состояния или согласия, намерения, желания, обещания, т. е. долженствования совершить действие («быть, стать кем-то», «сказать, соглашаться, договориться, обещать делать что-то») *барых буолла* «согласился ехать»; во-вторых, состояние субъекта с видовым оттенком близкого начала действия (вот-вот совершится) *охтуох буолла* «вот-вот упадет».

В первом случае причастие на *-ых* выступает в качестве объектного инфинитива, а слово *буол-* в качестве сказуемого имеет значение: быть, стать, хотеть, соглашаться, намеряться, должен и т. д. Таким образом, сложное единство создается вспомогательным глаголом-сказуемым и причастием в объектном значении. *Биһиги Якутскайбытыгар тиийэн ыалдьыттаһых буоллубут* (ХС 84.5.19) 'мы условились встречаться в своем Якутске'. *Умса түстэхпинэ сүүспүттэн өйүөх буоларын* (НьБС 146) 'если упаду ничком, обещал подпереть со лба'.

Во втором случае вспомогательный глагол приобретает значение модального слова, а причастие на *-ых* употребляется в качестве сказуемого. *Күн кириэх буолла* 'солнце вот-вот зайдет'. *Күөс буһуох буолла* (АС ТА 136) 'варево вот-вот сварится'. Данное значение формы на *-ых буол-* образуется тогда, когда слово *буол-* имеет аффиксы прошедшего времени *-быт* и *т-*.

Е. И. Коркина отмечает, что «перифрастическая форма, перенявшая форму косвенных наклонений, обозначает те же самые модальные и немодальные оттенки значений, но только в рамках не изъявительного наклонения, а того или иного косвенного наклонения» [6]. Между тем этой способностью обладает только первое значение сложной формы на *-ых буол-*. Данное явление объясняется степенью и типом аналитизма этой формы [8]. Хотя М. С. Михайлов перифрастические формы с аффиксами времени, наклонения, причастия в турецком языке рассматривает как отдельные формы [1], те перифрастические конструкции, от которых образуются причастия, деепричастия и финитная форма глагола, должны считаться как сложный или составной глагол с модальным значением. Так форма на *-ых буол-* является основой причастий, деепричастий, наклонений и времен глагола с долженствованием оттенком (табл. 1), которые обладают теми же синтаксическими функциями, как и образования от соответствующих простых глагольных основ:

1) определения и определительного придаточного: *Биир эдэр киһи сэрэбизэй кэбистэрэ кэлиэх буолбут сурабын истэн... ололорло* (ДТ 48 Дь 8) 'сидели, услышав (узнав) весть о том, что один молодой человек хотел придти метать жребий';

2) дополнительного придаточного: *Валентин Петрович этиэх буолбутун ситэрдэксэ тохтуур* (НЯ Сэһ. 599) 'Валентин Петрович останавливается, не закончив того, что хотел сказать';

3) подлежащего придаточного: *Кини кэлиэх буолбута үчүгэй* 'хорошо то, что он согласился приехать';

4) обстоятельства: *Антоновка аны арыгылыа, айдаарыа суох буолан бигэ тылын биэрбитэ* (НЯ Сэһ. 615) 'он обещал Антонову, что больше не будет буянить и выпивать'.

Формы на *-ар/-бат буол* и на *-быт/-батах буол*, и их значения

Описательная форма причастия на *-ар/-бат* имеет близкое, аналогичное с формой на *-ых буол* значение (*барых буол-* 'согласиться ехать', соглашайся ехать, *барар буол-* 'согласиться ехать, договориться, обаяться ехать, обычно уезжать').

Употребление форм на -ар/-бат буол и их значения

№	Временн. и модальн. формы	Примеры	Время-модальные значения
1.	Повелит.	<i>Санаарбыы санньыйар буолуман</i> (ТС ТА 231) `погрустив, не унывайте` <i>Аны этэрбэстиин ууну кэспэт буол</i> (НТ КТ 20) `больше в торбасах не ходи по воде`	Постоянное действие + наклонение призыв к совершению действия
2.	-а/-ыы -бат	<i>Тойонуом, кыырпын дэнэр буолбаккыан</i> (СЕ ТП 287) `господин-мой, вы же считаете себя соколом` <i>Түүн түһээн Макарийын кытта үнкүүлүү сылдьар буолар</i> (АБ Ааа 90) `во сне, казалось будто она, танцует со своим Макарием`	Постоянное и настоящ. + настоящ. время
3.	-ар/-бат	<i>Соргулаах суолбутун эн ыйар буоларың</i> (ПА А I 48) `доброму нашу дорогу ты указывал бывало` <i>Кини бу курдук хойутаабат буолара</i> (ГК БС 8) `он раньше не опаздывал (бывало)`	Постоянное действие + прошедш. обычное
4.	-быт/ -батах	<i>Кэлин үөрэнэн син табар буолбунтун</i> (ТС ТА 181) `позже, научившись, сумели -таки попасть` <i>Мань мин чэпчэки санаабыттан этэр буолбатахпын</i> (АФ ТА I 69) `это я говорю не из-за своего легкомыслия`	Постоянное действие + прошедшее результативное
5.	-т/-бат	<i>Мин барар буоллум</i> (НЛ С 50) `я решил поехать` <i>Дьилээхтэр тэһийбэт буоллулар</i> (МГ ИТК 18) `Хозяева начали беспокоиться`	Настоящее-будущее + недавнопрошедшее (категорическое) время
6.	-ыах/ -мыах	<i>Ыраахтаабы куюһурдаах кини итиччэ ньалбарыппат буолуог дуо?</i> (МД ТА 38) `имеющий покровителем царя разве не смог бы так говорить` <i>Кыыс оҕо кырдыбат буолуоҕа кырыа хаар түһүө суоҕа</i> (ПТ КЫ 1958) `девушка не будет стареть, росистый снег не будет падать`	Постоянное действие + будущее время
7.	-аайа	<i>Бизэ хара тарбахтаахха куду харбаттар буолаайабын</i> (НБС 98) `имеющему пять черных пальцев не давай себя поймать` <i>Тобой-сэлэ доҕотторун туората көрөр буолаайабыт</i> (АИС ТА II 256) `близких друзей (его) из Тогой-сэлэ не смотрите косо (потом)`	постоянное действие + возможное действие
8.	-тах	<i>Отуум ааныгар сытар буолабым дуу</i> (СО ТА II 204) `разве лежу (нахожусь) ли на пороге своего шалаша` <i>Уураабыптын сөбүлээбэт буолаҕа дуу?</i> (АБ Ааа 110) `не нравится ей что ли то, что я ее поцеловал` <i>Аны сатаан бииргэ олоҕот буоллахпыт</i> (АБ Ааа 40) `впредь нам вместе, видимо, не жить`	Настоящее действие + пред-положительная модальность
9.	-тахпына	<i>Сөбүлүһэр буоллахпына, дьибитигэр дьарыктаныхпыт</i> (ИФ АК 6) `если согласен, будем дома заниматься` <i>Кинилэр сөбүлээбэт буоллахтарына...</i> (АБ Ааа 113) `если они не любят... (если им не нравится...)` <i>Өйдөөбүт буоллахпына үчүгэй</i> (СЕ ТП 159) `если понял, то хорошо`	Настоящее действие + условная модальность

10	-ыхахтаах	<i>Мин барарбын улаханньк утарбат буолуохтаах</i> (ГК БС 6) `то, что я уеду, видимо, он сильно не возражает` <i>Бүтүн Россияба, ону ааһан омук правительстволарыгар эмиз биллэр буолуохтаах</i> (СД КБО 26) `должно быть известно во всей России, кроме того у иностранных правительств тоже`	Настоящее-будущее действие + долженствительная модальность
11	-ан/ -бакка	<i>Кутуйахтар кыыстан улаханньк куттаммат буолан истилэр</i> (ТС ТА 206) `мышь стали сильно не бояться девочки` <i>Куруук ахта саныыр буолан хааллым</i> (АБ Ааа 93) `все время стал вспоминать`	Постоянное действие + деепричастие на -ан
12	-а/-ыы/ -мына	<i>Атабым сири билбэт буола сыртытым</i> (МД АЧ 5) `ноги не могли чувствовать (от радости) землю` <i>Макарийы билэн, уоһа ыпсыбат буола түстэ</i> (АБ Ааа 93) `узнав Макария, губы не стали смыкаться (перестали смыкаться) (в знач.: стали много говорить)` <i>Атаба сири билбэт буола үөрдэ</i> (СО ТА 51) `ноги не стали чувствовать земли от радости`	Постоянное действие + деепричастие на -а

Описательная форма причастия на *-быт/-батах* имеет значение (*барбыт буол*- `быть уехавшим, быть ушедшим`), т. е. с результативным видовым значением (табл. 2).

Таблица 2

Употребление форм на -быт/-батах буол и их значения

№	Временн. и модальные формы	Примеры	Время-модальные значения
1.	-	а) <i>Мин кэлэрбэр бу маны ситэрбит буолаар</i> `к моему приходу ты завершившим будь (завершай)` б) <i>Арай кини маны көрбүт буоллун</i> `если бы он это увидел`	Прошед. результативное действие + повеление Прошед. результативное действие + повеление
2.	-а/-ыы/ -бат	<i>Онно сүүнэ ураһаны санатан оттук маһа өрө сааһыламмыт буолар</i> (ИГ Т 1964 4) `там напоминая огромные шатры (ураса) дрова для растопки раскладывались стоймя`	Прошед. результативное действие + настоящее обычное время
3.	-ар/-бат	<i>Ньургунун тугу да билбэтэх-көрбөтөх буолара</i> (ДЪА ТА 1957 17) `Нургусун пребывала, будто ничего не знала и не видела (не знавшей и не видевшей)`	Прошедшее результативное действие + прошедшее обычное время
4.	-быт/ -батах	<i>Ону кини билигин эрэ өйдөөбүт буолбатах</i> (СД СТТ 83) `он это понял не только сейчас` <i>Олох суруйбатах буолбатахпын, биһрдэ суруйбутум</i> (АБ Ааа 38) `я ведь не совсем не писала, однажды написала`	Прошедшее результативное действие + эпизодическое прошедшее время
5.	-т/-бат	<i>Баччаанна дылы соботобун сылдыбыт буолла</i> (АБ Ааа 46) `представился так, будто до сих пор существовал один-одинешенек`	Прошед. результативное действие + прошедшее категорич. время
6.	-ыха/ -мыах -ыа суох	<i>Арбаа суолга мойбордоох атыыр эһэ тириитин ыһаабыт буолуохтара</i> (ДС СФ 1970 150) `на западной дороге повесят шкуру медведя с белой отметиной вокруг шеи` <i>Хамначчым дьахталларым остуолу ыга тарпыттарын өйдөөн көрүмүнэ тураммын үөхлүт буолуом</i> (ДС СФ 1970 256) `возможно, выругала не заметив того, как служанки (батрачки) придвинули столы`	Прошедшее результативное действие + будущее время

7.	-аайа	а) <i>Ким хайа иннигэр эн кэлбит буолаайабын?</i> `раньше всех, может быть, ты придешь` б) <i>Хайа ону эн истибит буолаайабын?</i> `может быть, ты слышала об этом` в) <i>Эн суукка ону көрбүт буолаайабын?</i> `на суде не говори, что увидел`	Прош. результ. действие + а) возможн. буд. вр. б) возможн. прош.вр. в) возможное буд. отрицание
8.	-тах	<i>Кини бу тугу биэрбит буоллабай?</i> (НЯ Сэһ II 138) `он это вот что же мог дать` <i>Тый, албас истибит буоллабым дуу?</i> (АБ Ааа 57) `как же, я ошибочно слышал что ли?` <i>Ол аата сатаан тэрийбэтэх буоллаба</i> (АБ Ааа 116) `если так, то значит, видимо, не сумел организовать`	Прошедшее результативное действие + предположитель. модальность
9.	-тахпына	<i>Баай киһиэхэ эргэ тахсыбыт буоллаххына, төһө чалбарыйабын, көрүүхпүт</i> (АБ Ааа 44) `если ты вышла замуж за богатого человека, посмотрим, как ты будешь блаженствовать` <i>Урут хоргуян өлөөрү сыһпыт буоллахтарына, билигин атын ычаттар</i> (ЭЭ А I 1969 102) `если раньше лежали при смерти от голода, то сейчас совсем другие молодые люди`	Прошедшее результативное действие + условная модальность
10.	-ыхахтаах	<i>Мин атым оннук сырыыга сылдыбыт буолуохтаах</i> (ИН СКС 8) `моя лошадь подобной поездке, видимо, побывала` <i>Сайын манна оттообут буолуохтаахтар</i> (НЗ КДУ 87) `летом здесь, возможно, заготавливали сено`	Прошедшее результативное действие + долженствовательная модальность
11.	-ан/ -бакка	<i>Балтым кэлэн олорорун истибит буолааммын, чуо онно тиййдим</i> (АБ Ааа 63) `заранее услышав о приезде сестры, я прямиком пришел туда` <i>Макарий Аммаба үгүстүк сылдыбатах буолан, бу кэрэ көстүүттэн долгуйда</i> (АБ Ааа 98) `так как, Макарий раньше часто не приезжал, волновался от этого прекрасного вида`	Прошедшее результативное действие + деепричастие на -ан
12.	-а/-ыы -мына/ -ыы	<i>Онуоха дьахтар ытаабыт буола оордо</i> (НБС 280) `тогда женщина, сидя, прикинулась плачущей` <i>Ваня, тобо тугу да билбэтэх буола түөкүннэнэ олоубун?</i> (СЕ ТП 173) `Ваня, почему ты сидишь, притворяясь, будто ничего не знаешь`	Прошедшее результативное действие + деепричастие на -а

Описательную форму с глаголом *буол-* также образуют причастия на *-а/-ыы илик* и *-быт/-батах*. Данные формы имеют более ограниченное употребление и своеобразие. Формы на *-быт/-батах буол* имеют значение завершенности действия в прошлом, тогда как форма на *-ар/-ыы илик буол* – значение несовершенности в зависимости от того времени, которое указано в глаголе на *буол-*. Свообразие функционирования этих форм состоит в том, что они становятся главным предикативным членом и обозначают действие, которое: а) завершилось или состоялось (форма на *-быт буол*); б) не происходило (форма на *-а/-ыы илик буол*) до совершения зависимого действия. В переводе на русский язык причастный предикативный член на *-быт/-батах*, *-а/-ыы илик* передается: ‘был кем’, ‘был чем’, ‘был каким’. Например: *Кини биһиэхэ кэлэригэр мин үөрэхпэр барбыт буоларым* ‘когда он приезжал к нам, я обычно бывал уже уехавшим на учебу’. *Мин чэй оргутоохпар дылы үгүс мас охтубут буолааччы* ‘до тех пор, пока я вскипячу чай, обычно много деревьев бывали уже поваленными’. *Кини үрэххэ киһэригэр мин тыым бэлэмнэнэ илик буолбута* ‘когда он подходил к речке, моя лодка еще не была (не оказалась) готова’. *Кини үрэххэ киһэригэр мин тыым бэлэмэ суох буолуһу* ‘ко времени, когда он подойдет к речке, моя лодка, видимо, окажется еще не готовой’.

Причастие на *-быт* в форме III лица единственного числа, сочетаясь с глаголом *буол*, образует модальное значение притворства. Подобное значение отмечается и в других тюркских языках.

Видовой оттенок формы на *-ых* *буол-*, *-ар буол-*, *-быт буол-*, *-а илик буол-* отличается от видового значения, образованного аналитической формой деепричастия и вспомогательного глагола типа: *бара обус* ‘скорей уходить’, *тура тус* ‘немного стоять’, *баран хаал* ‘совсем уходить’ и т. д. В деепричастных видовых формах не отражается отношение говорящего, а в причастной описательной форме видовое значение, т. е. начало действия субъекта устанавливается говорящим лицом, как его состояние. Некоторые тюркологи не признают видовое значение данной описательной формы, считая, что характер протекания действия не является видовым признаком действия [10–13]. В якутском языке значения форм причастий с глаголом *буол-* можно отнести только к модальности глагола с оттенком вида.

По типу функционирования и по структуре образования формы на *-ых/мах/-ья суох буол-*, *-ар/-бат буол-*, *-быт/-батах буол-*, *-а/-ыи илик буол-* аналогичны с подобными именными образованиями (*учуутал буол-* ‘будь учителем’, *кыһыл буол-* ‘будь красным’, *икки буол-* ‘стать двумя’, *мин буол-* ‘будь я’), но по семантике они сильно отличаются. Если с именами глагол *буол-* обозначает лицо, предмет или признак, кем или чем, каким становятся, то причастия с глаголом *буол-* образуют чисто глагольную предикативность: причастия на *-ар/-бат*, *-ых/мах/-ья суох* проявляют себя как объектный инфинитив со значением цели и необходимости, а причастие на *-быт/-батах* – предикативный член со значением завершенности, причастие на *-а/-ыи илик* – несовершенности, т. е. причастия в этой позиции обозначают действие (имя действия).

К этим причастным сочетаниям с глаголом *буол-* близки по структуре сочетания *-ар/-бат гын-*, *-ья/мах/-ья суох гын:* *барых гын* ‘делай так, чтобы ушел’, *барбат гын-* ‘делай так, чтобы не ушел’; *-ар/-бат онгор*, *-ых/мах/-ья суох онгор:* *көрүөх онгор* ‘делай так, чтобы увидел’, *көрбөт онгор* ‘делай так, чтобы не увидел’. Сочетания слов *гын-*, *онгор-* с причастием на *-ар/-бат* естественны и в речи часто встречаются. От них образуются другие глагольные формы: причастия, деепричастия и личные глаголы.

Таким образом, описательная форма *буол-* с причастиями, во-первых, по своей основной семантике, структурному типу и по функции – это сложная глаголообразующая форма; во-вторых, этот модальный глагол выражает в конкретном случае видо-временной оттенок с соответствующим временным значением начала и близости действия; в-третьих, эта форма по значению, по структурному типу и по синтаксическим функциям соответствует так называемым перифрастическим формам, образованным причастиями и глаголом *буол-* в других тюркских языках.

Притворно-симулятивная видо-модальная форма

Причастия на *-быт/-батах* при помощи аффикса 3-го лица единственного числа на *-а* с глаголом *буол* ‘стать, быть’ (ЯРС 83) образуют основу особой видо-модальной формы, которая выражает притворно-симулятивное действие. Данная форма отличается от форм наклонений глагола тем, что к ней могут присоединиться аффиксы всех времен и наклонений [6]. По типу образования она соответствует объектному словосочетанию, состоящему из изафета и глагола *буол-*, по которому из имен образуются новые глаголы, что в тюркологии носит название перифрастических форм [1, 2, 7, 9–15]. Е. И. Коркина форму на *-быта буол-* называет модальностью симуляции [6]. По типу семантики форма *-быта буол-* относится к видо-процессуальной категории, а также к категории эмоционально-экспрессивного отношения к субъекту действия.

Видо-процессуальная категория в тюркских языках в основном выражается глагольными формами аналитически и синтетически, а также лексическими средствами [10, 16–20]. Форма *-быта буол-* обозначает нереальное, фальшивое, симулятивное совершение действия. По этому значению данная форма делит все глаголы действия-состояния и образные, звукоподражательные глаголы строго на две категориальные противоположности: на реально-действительные и нереально-симулятивные: *барар* ‘идет’ ~ *барбыта буолар* ‘делает вид, что идет’. Как отрицательная, так и положительная формы глагола строго делятся на полярные противоположности. При этом временная семантика причастия на *-быт* «стирается», остается только резульативное значение, которое с семантикой глагола *буол-* переосмысливается в «нерезульативное-симулятивное» действие: *Мөкүрдээнэп сымыйанан кулбүтэ буолла* (МД АЛ 67) ‘Мякюрдянов притворно сделал вид, что смеется’ (форма на -т). *Өмүрбүтэ буолан өттүгүн охсунна* (ПАО ТА 281) ‘притворившись, будто имяречивает (испугавшись), ударила себя в бедра (форма на -ан)’. *Муостаба сонун саптан утуйбута буолара* (НП К 16) ‘прикрывшись своим пальто, обычно притворялся, будто спит’ (форма на -ар этэ).

Эмоционально-экспрессивная категория в тюркских языках выражает отношение говорящего к субъекту действия [21–26]. Форма *-быта буол-* наряду с процессуальной семантикой имеет также значение «принижения, умаления» субъекта действия говорящим лицом. Иногда оба значения реализуются одновременно, иногда – одно из значений формы: *Остуолларын тула олорон аһабыта буолдулар* (СО ТА II 216) ‘сидя вокруг стола (бедолаги), делали вид, будто кушают (значение жалости и кушания несерьезное)’.

Как видно из примеров, при эмоционально-экспрессивном значении эта форма не выражает значения притворства, а похожа на симуляцию действия, которая по степени совершения скорее недостаточна, чем необходима, по своему содержанию (результату) равносильна бездействию. Видимо, из-за этого основой данной формы становится причастие на *-быт/-батах* с резульативным значением. По типу образования эта форма аналогична с синтетичными формами вида на *-ба + лаа*, *-бах + таах*, *-ыа + лаа*, *-ыах + таа*, *-та + лаа* и с уменьшительно-ласкательной фомой на *-аах + таа*, состоящих из видо-причастных элементов и глаголообразующего аффикса на *-лаа*. Вот почему эта форма, с одной стороны, имеет видо-процессуальное, а с другой стороны, – эмоционально-экспрессивное модальные значения.

Форма преждепрошедшего повествовательного времени в сочетании с глаголом *буол-* (в форме любого времени) служит для выражения недействительных, притворных действий или для действий, сознательно принижаемых, умоляющих говорящим лицом, преподносимых как маловажные, неполноценные (*кулбүтэ буолар* “делает вид, что смеется”, *аахпыта буолла* вид, что читает“ [6]. Значение симулятивности в якутском языке образуется путем сочетания семантики резульативного прошедшего времени (табл. 3).

Деепричастие *буолан* при причастии на *-быт* + аффикс 3-го л. на *-а* выражает кажущуюся, мнимую достоверность высказывания: *Кириһээн утуйбута буола сыһпыта* (ДТ ТА 126) “Кирисаан лежал, притворившись спящим. *Обонньор дьиз таһыгар ону-маны үлэлэбитэ буолан, си-дүгээр олобот этэ*” (ДТ ТА 1 28). Старик хоть для вида выполнял всякие работы около дома и не сидел без дела. *Онуоха эн барыан буолаба өһөстөбүг буолан* (СФ 107). ”Тогда ты наверняка уйдешь, хоть ради напускного упрямства” (ПНЕ 232).

Глагол *Буолла* при причастии на *-тах* + аффикс 3-го л. на *-а* выражает кажущийся, мнимый, поддельный характер действия: *Кыра Хабырыыс, иһигэр улахан хоргутуулаах эрэри, кулбүтэ буолла* (ЭЭ 1 218). “Маленький Гавриш, хотя в душе ему было очень горько, сделал вид, что смеется”; *Ээ, билсибэккэ турар эбиннит дии, – иккис уол соһуйдаба буолла*

(ЛП К 115). “Ах, оказывается, мы не познакомились, – второй парень притворился, что удивился” (ПНЕ 235).

Таблица 3

Употребление форм на -быта/-батаба буол- и их значения с притворно-видовой модальностью

№	Временн. и модальные формы	Примеры	Время-модальные значения
1.	-	а) <i>Миигин ыйыттактарына, билбэтэбэ буолаар</i> `Если спросят меня, скажи будто меня не знаешь` б) <i>Кини мань көрбөтөбө буоллун</i> `Он “пусть скажет, что этого он не видел”`	Прошед. резуль- тативное притвор. действие + повеление Прошед. резуль- тативное притвор. действие + повеление
2.	-а/-ыы/ -бат	<i>Тугу да ыйыт, ону барытын кини билбитэ буолар</i> “спрашивай обо всем, он отвечает, будто все знает”	Прошед. резуль- тативное притворн. действие + настоящее обычное время
3.	-ар/-бат	<i>Нургунун тугу да билбэтэбэ-көрбөтөбө буолара.</i> `Нургусун пребывала, будто ничего не знала и не видела (не знавшей и не видевшей)`	Прошед. резуль- тативное притвор. действие + прошедшее обычное время
4.	-быт/ -батах	<i>Ону кини билигин эрэ истибитэ булбатаба</i> `он это слышал, будто не только сейчас` <i>Олох көрдөспөтөбө буолбатахтын, биирдэ көрдөспүтүм.</i> `я ведь не совсем не просил, один раз просил`	Прошед. резуль- тативное притвор. действие + эпизодическое прошедшее время
5.	-т/-бат	<i>Кини оскуолаба сылдыбыта буолла</i> `представился так, будто он посещал в школу`	Прошед. резуль- тативное притвор. действие + прошедшее категорич. время
6.	-ыах/ -мыах -ыа суох	<i>Арбаа суолга кубоох тириитин ыйаабыта буолуохтара</i> `на западной дороге кажись будто повесят шкуру зайца` <i>Хайыамый, уолбун мөхлүтэ буолуом</i> `что сделаю, сделал вид будто выругал своего сына`	Прошед. резуль- тативное притвор. действие + будущее время
7.	-аайа	а) <i>Ким хайа иннигэр эн кэлбитэ буолаайабын?</i> `кажись будто раньше всех, может быть, ты придешь` б) <i>Хайа ону эн истибитэ буолаайабын?</i> `может не скажешь, будто не слышала ты об этом` в) <i>Эн суукка ону көрбүтэ буолаайабын?</i> `на суде не говори, что увидел`	Прош. резуль- тативное притвор. действие + а) возможн. буд. вр. б) возможн. прош. вр. в) возможное буд. отрицание
8.	-тах	<i>Кини бу тугу биэрбитэ буолабай?</i> `он это вот кажись, будто что же мог дать` <i>Тый, албас истибитэ буолабым дуу?</i> `как же, я, видимо, ошибочно слышал что ли?` <i>Ол аата сатаан тэрийбэтэбэ буолаба</i> `если так, то значит, видимо, он не сумел организовать`	Прошед. резуль- тативное при- твор. действие + предположитель. модальность
9.	-тахпына	<i>Баай кинигэ эргэ тахсыбыта буолаххына, көргүн көрүөхпүт.</i> `если ты будто вышла замуж за богатого человека, посмотрим ваше поведение` <i>Уруйаары сыптыта буолахтарына, ноһуораларын көннөрүллүө</i> `если они будто спать легли, то выпрямим их волосы (накажем).`	Прошед. резуль- тативное при- твор. действие + условная модальность

10.	-ыхахтаах	<i>Мин обом ол сырыыга сылдыбыта буолуохтаах.</i> `мой ребенок этой поездке, кажись, будто участвовал` <i>Мин оболорум кинилэрдиин оттообута буолуохтаахтар</i> `мои дети должны делать так, будто они летом здесь, вместе с ними заготавливали сено`	Прошед. результативное притвор. действие + долженствовательная модальность
11.	-ан/ -бакка	<i>Балтым кэлэрин истибитэ буоламмын, чуо онно тиийдим.</i> `будто как бы заранее услышав, о приезде сестры, я прямиком пришел туда` <i>Макарий миигин көрбөтөбө буолан, атын дьоннуункэпсэттэ</i> `Макарий, прикинувшись будто меня не заметил, стал беседовать с другими людьми`	Прошед. результативное притворное действие + деепричастие на -ан
12.	-а/-ыы -мына/ -ыы	<i>Онуоха дьахтар ытаабыта буола олоордо</i> `тогда женщина сидела, прикинувшись плачущей` <i>Ваня, тобо тугу да билбэтэбэ буола түөкүннэнэ олоробун?</i> `Ваня, почему ты сидишь, притворяясь, будто ничего не знаешь`	Прошедшее результативное притворное действие + деепричастие на -а

В данной таблице приведено употребление притворно-симулятивной аналитической перифрастической формы с функциональными формами глагола. Как верно сказала Е. И. Коркина, форма на *-быта буол-* выступает как основа вновь образованного глагола с результативно-притворным видо-модальным значением [6]. На нее присоединяются формы всех функциональных форм глагола и выражают свои модально-временные значения, которые указаны в этих аффиксах.

Притворно-симулятивная форма в тюркских языках

Значение притворного действия или симуляции действия широко распространено почти во всех тюркских языках (оно отмечается в чувашском, татарском, башкирском, киргизском, казахском, узбекском, уйгурском, каракалпакском, турецком и др.), хотя в научных грамматиках не всегда приводится.

В чувашском языке отмечены прчаствия притворности на *-ансчи, -енсчи* (утвердительная форма) и *-мэши, -меш* (отрицательная форма) – употребляются в основном в описательных конструкциях: *курасчи пул-* “притвориться выдающим, *пелмеш пул-* “притвориться незнающим” (Т 56).

В татарском языке одна из описательных конструкций, образованная сочетанием основного глагола на *-ган* с различными формами вспомогательного глагола *бул-*. Эта форма выражает ироническое отношение говорящего действию, недовольство по поводу его совершения, сомнение в его правдоподобности, неполноте действия или совершенно очевидное притворство действующего лица, например: *Бэгърем дигэн була, Иркэлэп сөйгэн була; Өрмэгэн урыннарга да Утыртмам дигэн була* (Нар. песня). “Он говорит мне “милая”, делает вид, что нежно любит, говорит, что будто и впредь не посадит меня на такое место, с которого не сдует пыль”. *Ат тугарып жигэ белми, Кызлар сайлаган була* (Нар. песня). “Не умеет запрячь и распрячь лошадь, а девушек выбирает”; *Мин өстэл кырыенда юл дэфтэрмемэ язып утырган булам* (И. Гази). “Я сижу за столом и делаю вид, что записываю в путевой дневник”. Шулай да сер бирергэ телэмэде. Бернинди генаһсыз баландай, гажэплэнгэн булды (Э. Эмир). “Все же он не захотел подать вида и изобразил удивление совершенно невинного младенца” (СТЛЯ 1969 274).

В хакасском языке глагол *пол-* в сочетании с глагольной формой на *ачых /-эчик* не употребляющейся в современном хакасском языке без глагола *пол-*, выражает действие, которое совершается субъектом только “для вида”: *Нинаны пилзем дее, ноҕа-да таныбаачых полҕам* (ФБыт.). “Хотя знал Нину, но делал вид, что не узнаю ее”; “*Тойны мында Идерзер*”,

– *испеечик полый, амыр чоохтанџан ичези* (ГТ) “Свадьбу будете справлять здесь”, – делая вид, что не слышит, тихо сказала мать”; ...*пазох талачых полыбысхан* (ПЧ). “...снова сделала вид, что теряет сознание” (ГХЯ 244).

В башкирском языке *-џан бул-* в сфере повелительно-желательного наклонения и настоящего и отчасти прошедшего времени изъявительного наклонения выражает притворное действие: *эшлэгэн булайык* “сделаемте-ка вид, что работаем” (ТЯ 184).

В современном узбекском языке форма на *-ган + бул-*мек обозначает, что действие, названное исходной основой, осуществляется не в полную силу, постепенно, недостаточно энергично, небрежно, наспех, кое-как, едва, или что субъект только делает вид, что осуществляет действие. *Мастура жавоб бермасдан, уток килишга урунган бўлди* (Ойбек) “Мастура не отвечая сделал вид, что занялась прополкой”. *Кампир дорров ўткизиб, янги дастурхон килган бўлди* (Б. Булом) “Старуха, сразу же увидев (нас), снова, наспех приготовила угощение”. У менга илжайиб караган бўлди. “Он сделал вид, что смотрит на меня, улыбаясь” [26].

В некоторых языках выделяют специально причастия притворного действия на *-атни/-етни* и симулятивности *-ин/-тин* [26]. Структурно это значение образуется от формы причастия, к которой присоединяется либо аффикс принадлежности, либо какой-то аффикс с уподобительным значением [27].

Таким образом, в тюркских языках, очевидно, следует специально выделять либо самостоятельную категорию притворного (симулятивного) действия, либо особую форму внутри видо-процессуальной категории.

Заключение

Из всего сказанного и описанного материала почерпнутого из якутского и других тюркских языков по притворно-симулятивной причастной видо-модальной аналитической формы можно сделать следующие выводы:

1. Эта аналитическая перифрастическая форма в якутском и в тюркских языках образуется по аналогии образования сложных слов: *имя + глагол + функциональные формы глагола* от причастных форм, имеющих семантику результативного прошедшего времени: *-быт, -тах, батах; -ган, -маган; -амни/-емни, -ин/-мин; -баачых; -чах/-ечик; -ансчы/енсчи, -мэш/-меш* и т. д.

2. В тюркских языках семантику данной аналитической формы считают модальностью притворного и симулятивного действия, но учитывая, что она образована на базе причастия результативного прошедшего действия, ее можно считать видо-модальной категорией (функциональной формой) глагола.

3. В якутском языке значение этой формы создается сочетанием семантики причастия результативного времени и лично-эвиденциального форм (*-быт + а*) “было”, глаголом *буол-* “будь”, который освидетельствует (переосмысливается) в (ложно)-притворно-симулятивное совершение действия.

4. Таким образом, формой *-быт+а буол-* выражается (совершается) ложное притворное симулятивное результативное действие, освидетельствованное говорящим лицом разными функциональными формами глагола (табл. 3).

5. В других тюркских языках аналитическая форма симуляторности и притворства образуется причастиями с результативным значениями и глаголом *буол-* без употребления лично-предикативного аффикса на *-а*. Л. С. Левитская пишет о том, вместо аффикса 3-го лица употребляется уподобительный аффикс [28].

6. Значения притворства и симулятивности в якутском языке выражаются одними и теми же формами, но отличаются по содержанию семантики предложения: симулятивное это

неполноценное, некачественное и тем принижаемое разными обстоятельствами и условиями действие. Субъект не может по настоящему совершить действие, поэтому вместо совершения действия он симулирует его. А притворное действие это неискреннее, ложное совершение действия субъекта. И притворное, и симулятивное действия определяются в основном от содержания и структуры предложения. В некоторых тюркских языках симулятивное и притворное действия выражаются специальными формами. Например: симулятивное – аффиксом на *-амгил/ -емгил*, притворное – аффиксом на *-ин/минг*.

7. Категорию притворства и симулятивности в якутском языке следует отнести к частично видо-время-модальным перифрастическим аналитическим формам глагола, образованным глаголом *буол-*.

Литература

1. Михайлов, М. С. Исследования по грамматике турецкого языка: перифрастические формы турецкого глагола / М. С. Михайлов. – Москва : Наука, 1965. – 132 с.
2. Михайлов, М. С. Перифрастические формы и категории вида в турецком глаголе / М. С. Михайлов. – Москва, 1954. – 140 с.
3. Юсупова, Р. Р. Устойчивые глагольные сочетания в турецком языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. Р. Юсупова. – Москва, 1961. – 14 с.
4. Убрятова, Е. И. Якутский язык / Е. И. Убрятова // Языки народов СССР. Т.11. – Москва, 1966. – С. 403-427.
5. Грамматика современного литературного якутского языка, в 2-х томах / Е. И. Убрятова, Н. Н. Ефремов, Н. Н. Неустроев [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1995. – 344 с.
6. Коркина, Е. И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке / Е. И. Коркина. – Якутск, 1979. – 96 с.
7. Тумашева, Д. Г. Перифрастические формы татарского глагола / Д. Г. Тумашева // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2. – Казань : Издательство Казанского университета, 1965 – С. 147–184.
8. Цалкаламанидзе, А. А. Система значений и функционирование глагола бул- в современном узбекском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Цалкаламанидзе – Ташкент, 1973. – 33 с.
9. Кузнецов, П. И. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка / П. И. Кузнецов // Краткое сообщение Института востоковедения. 18. 1956. – С. 18–23.
10. Насилов, В. М. Проблемы тюркской аспектологии : акциональность / В. М. Насилов. – Ленинград : Наука, 1989. – 208 с.
11. Насилов, В. М. К вопросу о перифрастических формах в древнетюркских языках / В. М. Насилов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 93–97.
12. Насилов, В. М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида) / В. М. Насилов // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. – Ленинград, 1978.
13. Сулейманов, К. С. Перифрастические формы узбекского глагола : автореферат на соискание ученой степени диссертации кандидата филологических наук. – Ленинград, 1968. – 24 с.
14. Трсункулова, Х. А. Перифрастические формы глагола в узбекском и казахском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Турсункулова Х. А. – Ташкент, 1972. – 34 с.
15. Мардиева, М. Б. Перифрастические формы татарского глагола в сравнении с узбекскими и турецкими формами : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мардиева М. Б. – Казань, 1974. – 24 с.
16. Харитонов, Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке / Л. Н. Харитонов. – Москва ; Ленинград, 1960. – 180 с.
17. Ганиев, Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка / Ф. А. Ганиев. – Казань, 1963. – 180 с.
18. Ганиев, Ф. А. Вопросы морфологии татарского языка / Ф. А. Ганиев. – Казань, 1980. – 180 с.
19. Юлдашев, А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. – Москва : Наука, 1965. – 276 с.

20. Ходжиев, А. Настоящее время глагола в современном узбекском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ходжиев А. – Ташкент, 1959. – 19 с.
21. Оралбаева, Н. З. Аналитические формы глагола в современном казахском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Оралбаева Н. З. – Алма-Ата, 1971. – 75 с.
22. Шенцова, И. В. Выражение видовых значений глагола в шорском языке : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Шенцова И. В. – Алма-Ата, 1988. – 25 с.
23. Петров, Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н. Е. Петров. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1982. – 160 с.
24. Агаева, Ф. А. Модальность как лингвистическая категория (на материале английского и туркменского языка) / Ф. А. Агаева. – Ашхабад : Ылым, 1990. – 304 с.
25. Джусаев Дж. Языковая категория модальности и модальные значения, выраженные изъявительным наклонением в современном киргизском языке / Дж. Джусаев. – Бишкек : Илин, 1992. – 140 с.
26. Лиханов, В. И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке / В. И. Лиханов. – Новосибирск : Наука, 1994. – 128 с.
27. Кононов, А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А. Н. Кононов. – Москва ; Ленинград : Наука, 1960. – 436 с.
28. Левитская, Л. С. Историческая морфология чувашского языка / Л. С. Левитская. – Москва, 1976.

References

1. Mihajlov, M. S. Issledovaniya po grammatike tureckogo yazyka: perifrasticheskie formy tureckogo glagola / M. S. Mihajlov. – Moskva : Nauka, 1965. – 132 s.
2. Mihajlov, M. S. Perifrasticheskie formy i kategorii vida v tureckom glagole / M. S. Mihajlov. – Moskva, 1954. – 140 s.
3. YUsupova, R. R. Ustojchivye glagol'nye sochetaniya v tureckom yazyke : avtoferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / R. R. YUsupova. – Moskva, 1961. – 14 s.
4. Ubryatova, E. I. YAkutskij yazyk / E. I. Ubryatova // YAzyki narodov SSSR. T.11. – Moskva, 1966. – S. 403-427.
5. Grammatika sovremennogo literaturnogo yakutskogo yazyka, v 2-h tomah / E. I. Ubryatova, N. N. Efremov, N. N. Neustroev [i dr.]. – Novosibirsk : Nauka, 1995. – 344 s.
6. Korkina, E. I. Glagol'nye lichno-otnesennye modal'nye konstrukcii v yakutskom yazyke / E. I. Korkina. – YAkutsk, 1979. – 96 s.
7. Tumasheva, D. G. Perifrasticheskie formy tatarskogo glagola / D. G. Tumasheva // Voprosy tatarskogo yazykoznanija. Kn. 2. – Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1965 – S. 147-184.
8. Calkalamanidze, A. A. Sistema znachenij i funkcionirovanie glagola bul- v sovremennom uzbekskom literaturnom yazyke : avtoferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / A. A. Calkalamanidze. – Tashkent, 1973. – 33 s.
9. Kuznecov, P. I. K voprosu o perifrasticheskikh formah tureckogo yazyka / P. I. Kuznecov // Kratkoe soobshenie Instituta vostokovedeniya. 18. 1956. – S. 18-23.
10. Nasilov, V. M. Problemy tyurkskoj aspektologii : akcional'nost' / V. M. Nasilov. – Leningrad : Nauka, 1989. – 208 s.
11. Nasilov, V. M. K voprosu o perifrasticheskikh formah v drevnetyurkskikh yazykah / V. M. Nasilov // Voprosy yazykoznanija. – 1960. – № 3. – S. 93-97.
12. Nasilov, V. M. Formy vyrazheniya sposobov glagol'nogo dejstviya v altajskikh yazykah (v svyazi s problemoj glagol'nogo vida) / V. M. Nasiov // Oчерки сравnitel'noj morfologii altajskikh yazykov. – Leningrad, 1978.
13. Sulejmanov, K. S. Perifrasticheskie formy uzbekskogo glagola : avtoferat na soiskanie uchenoj stepeni dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. – Leningrad, 1968. – 24 s.
14. Trsunkulova, H. A. Perifrasticheskie formy glagola v uzbekskom i kazahskom yazykah : avtoferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskiz nauk / Tursunkulova H. A. – Tashkent, 1972. – 34 s.

15. Mardieva, M. B. Perifrasticheskie formy tatarskogo glagola v sravnenii s uzbekskimi i tureckimi formami : avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Mardieva M. B. – Kazan', 1974. – 24 s.
16. Haritonov, L. N. Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke / L. N. Haritonov. – Moskva ; Leningrad, 1960. – 180 s.
17. Ganiev, F. A. Vidovaya harakteristika glagolov tatarskogo yazyka / F. A. Ganiev. – Kazan', 1963. – 180 s.
18. Ganiev, F. A. Voprosy morfologii tatarskogo yazyka / F. A. Ganiev. – Kazan', 1980. – 180 s.
19. YUldashev, A. A. Analiticheskie formy glagola v tyurkskikh yazykah / A. A. YUldashev. – Moskva : Nauka, 1965. – 276 s.
20. Hodzhiev, A. Nastoyashchee vremya glagola v sovremennom uzbekskom yazyke : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Hodzhiev A. – Tashkent, 1959. – 19 s.
21. Oralbaeva, N. Z. Analiticheskie formy glagola v sovremennom kazahskom yazyke : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Oralbaeva N. Z. – Alma-Ata, 1971. – 75 s.
22. SHencova, I. V. Vyrazhenie vidovykh znachenij glagola v shorskoy yazyke : avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk / SHencova I. V. – Alma-Ata, 1988. – 25 s.
23. Petrov, N. E. O sodержanii i ob'eme yazykovoy modal'nosti / N. E. Petrov. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1982. – 160 s.
24. Agaeva, F. A. Modal'nost' kak lingvisticheskaya kategoriya (na materiale anglijskoy i turkmenkoy yazyka) / F. A. Agaeva. – Ashkhabad : Ylym, 1990. – 304 s.
25. Dzhusaev Dzh. YAzykovaya kategoriya modal'nosti i modal'nye znacheniya, vyrazhennye iz'yavitel'nym nakloneniem v sovremennom kirgizskom yazyke / Dzh. Dzhusaev. – Bishkek : Ilin, 1992. – 140 s.
26. Lihanov, V. I. Emotsional'no-ocenochnye i ekspressivnye slova v yakutskom yazyke / V. I. Lihanov. – Novosibirsk : Nauka, 1994. – 128 s.
27. Kononov, A. N. Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka / A. N. Kononov. – Moskva ; Leningrad : Nauka, 1960. – 436 s.
28. Levitskaya, L. S. Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka / L. S. Levitskaya. – Moskva, 1976.

Сокращения

- ХС – Хотугу сулус журнал
 НЬБС – Ньургун боотур стремительный
 АС ТА – Анемподист Софронов. Талыллыбыт айымньылар. 1 т. – Якутскай, 1964. – 420 с.
 ДТ 48Дь – Дмитрий Таас. Түөрт уон абыс дьэ. – Дьокуусуай, 1959. – 126 с.
 НЯ Сэһ – Николай Якутскай. Сэһэннэр. 1 т. Якутскай. 1968. – 656 с.
 НТ КТ – Николай Тарабукин. Күнү таптыбын. – Якутскай, 1960. – 88 с.
 СЕ ТП – Степан Ефремов. Талыллыбыт пьесалар. – Якутскай, 1964. – 308 с.
 АБ Ааа – Алексей Бродников. Арыллыбыт аартык. – Якутскай, 1993. – 240 с.
 ПАО А 1 – Платон Ойуунускай. Айымньылар. 1 т. – Якутскай, 1959. – 288 с.
 ГК БС – Гаврил Колесов. Булчут сиэнэ. – Якутскай, 1964. – 84 с.
 АФ ТА – Афанасий Федоров. Талыллыбыт айымньылар. 1 т. – Якутскай, 1961. – 447 с.
 НЛ С – Николай Лугинов. Сэргэлээххэ. – Якутскай, 1978. – 176 с.
 МГ ИТК – Максим Горькай. Италия туһунан кэпсээннэр. – Якутскай, 1968. – 108 с.
 МД ТА – Михаил Дофтордурап. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1963. – 256 с.
 ПТ КЫ – Пантелеймон Тулааһынап. Кымыс ырыата. – Якутскай, 1969. – 366 с.
 АИС ТА 11 – Анемподист яСофронов. Талыллыбыт айымньылар. 2 т. – Якутскай, 1965. – 444 с.
 СО ТА 11 – Суорун Омоллоон. Талыллыбыт айымньылар. 2 т. – Якутскай, 1967. – 496 с.
 ИФ АК – Иван Федосеев. Ааттарын киртиппэтгэхтэрэ. – Якутскай, 1972.
 СД КБО – Софрон Данилов. Киһи биридэ ололор. 1 кн. – Якутскай, 1973. – 272 с.
 ТС ТА – Тимофей Сметанин. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1969. – 464 с.
 МД АЛ – Михаил Дофтордурап. Аныгы Лонкууда. – Якутскай, 1952. – 163 с.
 СД ТА – Семен Данилов. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1977. – 224 с.

- НГ Т – Николай Габьшев. Таптал. – Якутскай, 1964. – 444 с.
- Дьа ТА – Дьүөгэ Ааныстыырап. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1957. – 116 с.
- СД СТТ – Софрон Данилов. Сүрэх тэбэрин тухары. – Якутскай, 1967. – 608 с.
- ДС СФ – Д.К.Сивцев. Саха фольклора. Хомуурунньук. – Якутскай, 1970.
- ЭЭ А 1 – Эрилик Эристиин. Айымньылар. 1 т. – Якутскай, 1969. – 596 с.
- ИН СКС – Исай Никифоров. Суор кыланар сиригэр. – Якутскай, 1970. – 208 с.
- НЗ КДУ – Николай Заболоцкай. Күн да уһун. – Якутскай, 1968. – 488 с.
- ПАО ТА – Платон Ойуунускай. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай, 1992. – 336 с.
- НП К – Николай Павлов (Тыаһыт). Кууһума. – Якутскай, 1970. – 88 с.
- СТЛЯ – Современный татарский литературный язык. – Москва : Наука ка, 1969. – 380 с.
- ГТ – Татарская грамматика. 1 том. – Казань : Книжное издательство, 1993. – 584 с.
- ГХЯ – Грамматика хакасского языка. – Москва : Наука, 1975. – 418 с.
- ТЯ – Языки народов СССР. Т. 11. Тюркские языки. – Москва, 1966. – 532 с.
- Кононов – Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – Москва ; Ленинград, 1960. – 446 с.
- Левитская – Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. – Москва, 1976.
- ПНЕ – Петров Н. Е. Частицы в якутском языке. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1978. – 300 с.

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.52.52.005 УДК 821.111-2Шекспир.03=161.1=512.157

Н. Э. Игнатьева, Л. Е. Манчурина

Передача содержания оригинала драматического произведения «Король Лир» У. Шекспира в переводах Б. Пастернака на русский и С. Тарасова на якутский языки

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: edissonovna_nata@mail.ru

E-mail: manchurinale@mail.ru

Аннотация. Интерес к сравнению перевода и оригинала произведений набирает все большую актуальность и значимость для исследования художественного перевода. В статье были сопоставлены и сравнены оригинал драматического произведения У. Шекспира «Король Лир» и переводы этого произведения Б. Пастернаком на русский и С. Тарасовым на якутский языки. Цель статьи – выявление причины расхождений текстов оригинала и перевода на примере драматического произведения «Короля Лира» У. Шекспира. Методом исследования послужил сравнительно-сопоставительный анализ текстов оригинала и переводов, в частности анализ содержания текстов переводов в сопоставлении с содержанием оригинала. Также использовались метод выборки для отбора отрывков из переводов, компаративный метод для сравнения фрагментов переводов и описательный метод для описания результатов исследования. В результате сравнительно-сопоставительного анализа содержания текстов оригинала и переводов было продемонстрировано, что многие расхождения объясняются специфическим взаимовлиянием национального менталитета англичан, русских и якутов, а также влиянием времени и условий работ. На основе таблицы были сравнены фрагменты переводов и оригинала произведения.

Ключевые слова: перевод, драматическое произведение, менталитет, У. Шекспир, реалии, Борис Пастернак, якутский язык, Савва Тарасов.

Для цитирования: *Игнатьева Н. Э., Манчурина Л. Е.* Передача содержания оригинала драматического произведения «Король Лир» У. Шекспира в переводах Б. Пастернака на русский и С. Тарасова на якутский языки // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.52.52.005>

ИГНАТЬЕВА Наталья Эдиссоновна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: edissonovna_nata@mail.ru

IGNATIEVA Natalia Edissonovna – Master’s student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. E. Ignatieva, L. E. Manchurina

Transfer of the original content of the Shakespeare's *King Lear* in the Pasternak's Russian translation and Tarasov's Yakut translation

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The interest in comparing the translation and the original of works is gaining increasing relevance and significance for the study of literary translation. The article compared and compared the original of the dramatic work by William Shakespeare *King Lear* and the translations of the play by Boris Pasternak into Russian and Savva Tarasov into Yakut. The purpose of the article is to identify the discrepancies between the original and translated texts on the example of the Shakespeare's play *King Lear*. The research methods were a comparative analysis of the original texts and translations, in particular, the analysis of the content of the translation texts in comparison with the content of the original. We also used a sampling method to select excerpts from the translations, a comparative method to compare fragments of the translations, and a descriptive method to describe the results of the study. As a result of a comparative analysis of the contents of the original texts and translations, it was demonstrated that many discrepancies are explained by the specific mutual influence of the ethnic mentality of the British, Russians and Yakuts, as well as the influence of time and working conditions. Fragments of the translations and the original were compared on the basis of the table.

Keywords: translation, dramatic work, mentality, William Shakespeare, realities, Boris Pasternak, Yakut language, Savva Tarasov.

For citation: *Ignatieva N. E., Manchurina L. E.* Transfer of the original content of the Shakespeare's *King Lear* in the Pasternak's Russian translation and Tarasov's Yakut translation // <https://doi.org/10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.52.52.005>

Введение

Вопрос соответствия перевода и оригинала всегда волновал умы ученых. Литература имеет потенциал к наиболее полной демонстрации национального менталитета отдельно взятой нации и его парадигматических связей с менталитетом других наций и народностей. Однако наблюдаем недостаточное количество исследований, которые касались бы сравнительного анализа содержания текста перевода и оригинала, что в полной мере объясняет актуальность нашего исследования, целью которого является выявление причины, почему текст драмы невозможно «один в один» передать переводом на примере «Короля Лира» У. Шекспира.

Цель исследования определяет следующие задачи:

- 1) выявить причины, почему текст драмы невозможно полностью передать переводом с теоретической части;
- 2) рассмотреть темы исследования с практической части путем подачи сравнительных примеров оригинала произведения и переводов Б. Пастернака и С. Тарасова. Таким образом выявить вышеупомянутую причину с практической части;
- 3) определить роль перевода в культуре и литературе разных народов.

Перед тем, как обратиться к анализу переводов, стоит обратить внимание на оригинальный текст. В этом случае важное значение имеет вопрос об источниках оригинала. По словам исследователей, У. Шекспир взял основу сюжета из пьесы своего предшественника Харснета «Разоблачение отъявленных папистских обманов», опубликованной в 1603 г., а также использовал сюжеты из рассказа о Лире в «Хрониках» Холиншеда, а отдельные детали взял из поэмы Спенсера «Королева Фей». А вторая сюжетная линия – история Гло-

стера и его сыновей – заимствована У. Шекспиром из романа Сиднея «Аркадия», напечатанного в 1590 г.

Первородные мысли автора оригинала, согласно исследованиям ученых, все равно подвергаются искажению. Мы не знаем наверняка, о чем именно думал У. Шекспир, когда создавал свои произведения, и что именно он вкладывал в них. Его мысли, если выражаться метафорическим языком, безжалостно были искажены временем.

На содержание произведения еще при жизни У. Шекспира повлияли издатели. Все прижизненные издания его пьес (за исключением 3-й части «Генри VI») были напечатаны форматом в одну четвертую долю печатного листа. Такой формат называют кварто (quarto – четверть). А его первое собрание драматических произведений, выпущенное в 1623 г., было отпечатано форматом фолио (folio – лист, сложенный вдвое). Если говорить о «Короле Лире», то первое издание в формате кварто появилось в 1608 г., через три года после написания и постановки пьесы на сцене. Существует также и издание 1619 г. в формате фолио. Обычно в кварто дают сокращенный текст, а в фолио – полный. С «Королем Лиром» произошло обратное. Фолио на 200 строк короче кварто. Кварто 1608 содержит 300 строк, которых нет в фолио, но там есть 100 строк, отсутствующие в кварто. Получается, различия между двумя текстами составляют целых 400 строк. В настоящий момент ученые не пришли к единому мнению, какой из этих изданий является оригиналом и как набирался текст. Некоторые считают, что пьесу записали во время пьесы, другие, что трагедию воспроизвели по памяти. В любом случае разбор разных точек зрения требует углубления в английский текст.

Приведем в качестве примера кварто (1608) в переводе Б. Пастернака. Тут мы наблюдаем сокращение первой речи Лира. Сокращения отмечены квадратными скобками:

*А мы вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
[Подайте] карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
[И дотреться до гроба налегке.
Сын Корнуол наш, и ты, любимый столь же
Сын Альбани, сейчас мы огласим,
Что мы даем за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор].
Король Французский и Бургундский герцог,
Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
[И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем],
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласьи с вашею заслугой.*

Сокращения не меняют смысл текста, но существенно ускоряют завязку.

Лир. Что скажет нам меньшая дочь, ничуть

Любимая не меньше, радость наша,

[По милости которой молоко

*Бургундии с лозой французской в споре?
Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи.
Корделия. Ничего, милорд.*

Лир. [Ничего?]

Корделия. [Ничего].

Лир. Из ничего не выйдет ничего.

Отмеченные слова в диалоге опущены, это важные, наполненные драмой, моменты. Лир ждал от любимой дочери других слов, он удивлен, оскорблен, разгневан, но все же надеется, что дочь скажет те слова, которых он ждет.

Эти и другие пробелы есть в фолио, но в нем тоже есть ряд упущений. Например, не достаёт целой сцены – третьей из IV акта, которую до сих пор сокращают и во всех современных постановках трагедии У. Шекспира. А также изъяты строки речи Кента из первой сцены этого же акта. Есть мнение, что много изъятий из текста было сделано цензором по политическим соображениям.

Нужно отметить, что в основном в фолио сокращены речи второстепенных персонажей. Это объяснялось тем, что в то время на гастроли ездило небольшое количество актеров, поэтому партии некоторых актеров убирала.

Б. Пастернак в своем переводе включил почти все недостающие материалы (по изданию 1923 г.). Соответственно, эти материалы есть и в якутском переводе в исполнении Саввы Тарасова. С этой точки зрения нам повезло, что мы можем наслаждаться наиболее полным текстом произведения в отличие от современников У. Шекспира.

Следующие причины, по которой мы не уверены в том, что «оригинал на самом деле является оригиналом», заключается в типографских ошибках, которые допускались при переизданиях. А также по причине неустоявшихся в то время правил написания слов наборщиками и редакторами типографий допускались ошибки. Кроме того, первопечатные тексты изобилуют опечатками, которые в свою очередь меняли смысл текста. Это объясняется тем, что, возможно, автор не принимал участия в издании, в этом случае все вопросы, связанные с книгой, решал типограф, вносил правки, что-то убирал или добавлял.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и переводов «Короля Лира»

Перейдем теперь непосредственно к переводам. У Шекспира особый стиль, он изобилует метафоризмами и сложными синтаксическими конструкциями. Для переводчиков адекватно донести до своего читателя его тексты было трудной задачей. Поэтому в России У. Шекспира переводили «буквально», но по истечении времени стало понятно, что излишне высокопарные слова, архаизмы сложны для театрального исполнения. До середины 1850-х гг. Россия не могла читать Шекспира, так как не было достойного перевода. А. В. Дружинин писал, что У. Шекспир должен быть понятен всем русским читателям. Он полагал, что изысканно-витиеватый слог У. Шекспира был вынужденной данью моде времени автора. Поэтому в своих переводах он часто использовал метод адаптации, учитывая время и менталитет народа.

Исследователь В. Шкловский отмечал, что «чувства должны быть также переведены, как и слова» [1]. Это определение является очень важным для практической части нашего исследования. Некоторые ученые высказывали справедливое мнение, что «передать грамотно оригинал произведения невозможно, все, на что способен переводчик, – подбор к оригиналу произведения грамотного эквивалента» [2, 3].

Б. Пастернак переводил У. Шекспира в 1930–1950-х гг. Он, сторонник вольного перевода, переводил не «слово в слово», а считал, что важнее адекватно передать смысл произ-

ведения: «от перевода слов и метафор» – «к переводу мыслей и сцен» (6, 573). Он перевел «Короля Лира» в 1949 г. Работа велась в сложное время. Его переводы рассматривались особенно тщательно, приходилось кроить и перекраивать текст по желанию издателей. Время было такое, что «обвинения в идейной чуждости и космополитизме всегда были наготове» (4, 251). Также следует учитывать, что заказ на перевод «Короля Лира» поручил ему «Детгиз», то есть издание предназначалось для детей. Известно, что оригинальный текст не предназначен для детской аудитории, так как там присутствуют слова и места, неудобные для детского чтения. Пастернак должен был такие места «облагородить».

Все эти моменты, конечно же, повлияли на соответствие исходного текста и переводимого. В том числе и на перевод на якутском языке, так как С. Тарасов перевел У. Шекспира с перевода Б. Пастернака.

Далее в сравнительной таблице (1) мы приведем ключевые фразы, которые были использованы В. Шекспиром, отмечая, как именно их передали Б. Пастернак и С. Тарасов в своих работах. В процессе сравнения мы выявим и зафиксируем нюансы тех или иных фраз с точки зрения оригинала и с точки зрения перевода. Далее сделаем анализ полученных результатов. В первой колонке мы будем приводить примеры из оригинального текста пьесы, во второй будет представлен переводческий эквивалент Б. Пастернака, в третьей – С. Тарасова, в четвертой – приведем разницу между переводами и оригиналом. Ключевой статус фразы мы объясняем частотностью цитирования той либо иной фразы.

Таблица 1

Сравнительная таблица ключевых фраз

Оригинальные ключевые фразы пьесы «Король Лир»	Перевод этих фраз в исполнении Б. Пастернака	Перевод этих фраз в исполнении С. Тарасова	Предварительный сравнительный анализ
Meantime we <i>shall express our darker purpose</i> . – Тем временем мы выразим нашу более темную цель (букв.)	А мы вас <i>посвятим В заветные решенья</i> наши глубже	Оттон биһиги эһиэхэ <i>Киччим кистэлэннэрбитин кэрэйбэккэ кэпсиэхпит</i>	Наблюдаем: – намеренное искажение текста в целях передачи смысла;
To shake all cares and business <i>from our age</i> – Из нашего века (букв.); Conferring them on younger strengths, while we	Ярмо забот мы с <i>наших дряхлых плеч</i> Хотим переложить на молодые	<i>Кырдыаҕас санньыларбытыттан</i> кыһалҕаны Эдэрдэргэ көһөрсөн бараммыт,	– частое использование описательного перевода в этом контексте. В ИЯ нет описания этого выражения, в русском и якутском передано более художественно.
<i>Unburthen'd crawl toward death</i> . – разгруженным ползти к смерти (букв.)	И доплестись <i>до гроба налегке</i>	<i>Хоруоппугар сүгэһэрэ суох Холкутук</i> тийийэхпитин баҕарабыт	В переводе на якутский язык Тарасов применил описательный метод, добавив устойчивое выражение: сүгэһэрэ суох
The duke be here to-night? The better! best! This weaves itself perforce <i>into my</i>	Здесь будет герцог? Хорошо. Тем лучше. <i>Мне это очень наругу.</i>	Герцог манна кэлэр эбит дии? Үчүгэй. Оччонон ордук. <i>Мизэх ол олус туһалаах.</i>	Наблюдаем мастерский перевод фразеологической конструкции «into my business», который передан фразой «Мне это очень

<p><i>business</i> – Для моего дела (букв.). My father hath set guard to take my brother; And I have one thing, of a queasy question, Which I must act: briefness and fortune, work!</p> <p>Brother, a word – Брат, на слово (букв.); descend: brother, I say!</p>	<p>Отец Велел найти и взять под стражу брата. Еще одно мне дело предстоит: Потребуется скорость и решимость...</p> <p>Брат, на два слова! Слышишь, брат! Спустись..</p>	<p>Абам убайбын буларга уонна харабыллыырга дыһайбыта. Мин өссө биир дыалалаахпын: Түргэн уонна сорунуулаах буолуу эрэйиллэр...</p> <p>– Убаай, бэрт кылгастык кэлэ сырыт! Истэбин дуо, убаай? Манна түс.</p>	<p>на руку», «Миэхэ ол олус туһалаах». Это говорит о важности грамотной передачи различных фразеологических конструкций как необходимой и достаточной важности передачи не только фразы, а также ментального смысла фразы, что также абсолютно актуально и верно для фразы «Brother, a word», которая передается в переводе Б. Пастернака как «Брат, на два слова» и у С. Тарасова «Убаай, бэрт кылгастык кэлэ сырыт!»</p>
<p><i>Thou, Nature, art my goddess. To thy law My services are bound.</i> – Ты, Природа, моя богиня. Твоему закону Я связан (букв)</p> <p>Wherefore should I Stand – Почему я должен уступить (букв) <i>in the</i> – из-за (букв) <i>plague of custom</i> – чума обычаев (букв), and <i>permit</i></p> <p>The curiosity of nations to deprive me</p> <p><i>For that I am some twelve or fourteen moonshines Lag of a brother?</i></p> <p>why “bastard”? Wherefore “base,”</p> <p>When my dimensions are as well compact, My mind as generous and my shape as true – Когда я телом так же прям, разумом великодушен, а гены верны (букв)</p>	<p>Природа, ты моя богиня! В жизни Я лишь тебе послушен.</p> <p>Я отверг Проклятье предрассудков и правами Не поступлюсь,</p> <p>пусть младше я, чем брат.</p> <p>Побочный сын! Что значит сын побочный?</p> <p>Не крепче ль я и краше сыновей</p>	<p>Айылбам барахсан, эн мин танарам буолабын! Эн ыйыыларгын эрэ мин ылынабын.</p> <p>Хаалынньан үгэстэр хааччахтарын хампы анньабын, Хайаан даҕаны – Тиксиэхтээх өлүүм иһин тиниктэһэргэ быһаарынным.</p> <p>убайбыттан төһө да балыс буолларбын –</p> <p>Көссүү уола! Көссүү уола диэн ол тугуй?</p> <p>Күүспүнэн-уохпунан да, көстөр дьүһүммүнэн да</p>	<p>Здесь четкие связи между английскими, русскими и якутскими архаичными конструкциями. В данном случае переводчик подверг более дословному переводу анализируемую фразу</p> <p>У С. Тарасова развернутый перевод: английское слово permit – правами (у Пастернака) – Тиксиэхтээх өлүүм (у Тарасова).</p> <p>Упущение целой фразы у Пастернака и соответственно у Тарасова: The curiosity of nations to deprive me – в значении “явить народу, назвав сыном”.</p> <p>У Шекспира: точная разница в возрасте 12-14 лет (лунных светов). У Пастернака – просто указано, что Эдмонд младше Эдгара. У Тарасова соответственно тоже.</p> <p>Упущения в переводе Пастернака. А якутский вариант более приближен к оригиналу, в виду образности слов. Тарасов умело использует описательный метод перевода, что в итоге</p>

<p><i>As honest madam's issue – как самой строгой дамочки отродье (букв.)?</i></p>	<p><i>Иных почтенных матерей семейства?</i></p>	<p><i>Көмүс ньээкэ уйаба үөскээбит сорох уолаттардааҕар</i> Ордук буолбатахпын дуо?</p>	<p>перевод с “языка-проводника”, на котором было допущено упущение, вернулся условно “на место”. Так, у Шекспира речь идет конкретно о внешних и умственных данных Эдмонда, у Пастернака это передано двумя прилагательными – крепче и краше. У Тарасова – снова, речь идет о внешности и физических данных.</p> <p>В этом случае так же якутский перевод более приближен к оригиналу, так как и там, и там использованы фразеологические обороты: As honest madam's issue – Көмүс ньээкэ уйаба үөскээбит. В русском переводе эта конструкция передана обычным предложением: сыновей Иных почтенных матерей семейства.</p>
<p><i>Why brand they us With base? with baseness? bastardy? base, base? – Почему называют нас ублюдками? Мы подлые? Незаконнорожденные? Побочны, побочны? (букв.)</i></p>	<p>За что же нам <i>колоть глаза</i> стыдом? И в чем тут стыд?</p>	<p>Тоҕо онон <i>сирэй-харах анньаллар?</i> Киһи кыбыстыаҕа туох баарый онно?</p>	<p>Шекспир повторяет вопрос, который был выше, акцентируя на том, что Эдмонд не понимает, почему он не имеет таких же прав, как Эдгар. Он подчеркивает, почему он должен стыдиться своего рождения, повторяя одно и то же слово <i>bastardy</i> (<i>base</i>). В пастернаковском варианте включено устойчивое выражение “колоть глаза” в значении “стыдиться”. В данном случае Пастернак передал смысл отрывка. Соответственно Тарасов так же подобрал устойчивое выражение: <i>сирэй-харах анньаллар</i>.</p>

<p><i>And France in choler parted!</i> And the King gone tonight, prescribed his power, Confined to exhibition! All this done Upon the gad! – <i>С французским королем расстались плохо!</i> <i>Покинул двор! Отдал власть! Лишился казны! Все это сгоряча!(букв)</i></p>	<p>С королем Французским не простился и повздорил! Покинул двор! Отрекса от венца</p> <p><i>Внезапно, под влиянием минуты!</i></p>	<p>Франция хоруолунуун бырастыыласпата, өссө ииристэ! Дыбарыастан тахсан биэрдэ.</p> <p><i>Эмискэ, чох ыстаммытыныны,</i> Хоруонатыттан аккаастанна!</p>	<p>Б. Пастернак передал смысл фразы. Как можем видеть, переводчик поочередно прибегал к различным методам перевода, выбирая из них наиболее оптимальный. Здесь это включение фразы: Внезапно, под влиянием минуты! И у Тарасова: Эмискэ, чох ыстаммытыныны. Тут Тарасов еще более углубился, применив описательный метод, что привело так же к близости оригиналу: All this done Upon the gad! – Эмискэ, чох ыстаммытыныны</p>
---	---	---	--

Перевод в самом общем виде определяют как передачу содержания текста на одном языке средствами другого языка. Это определение сфокусировано на одном из основных требований к переводу — передавать содержание оригинала. Нарушение этого требования, бесспорно, воспринимается как ошибка [4]. В качестве ошибки может рассматриваться только так называемое «смысловое искажение», т. е. искажение смысла, при котором соответствующее высказывание или отрывок текста будет понят неверно. Прочие недостатки текста воспринимаются лишь как стилистические погрешности, роль которых в смысловой структуре текста имеет весьма небольшое значение [5].

Качественный перевод во многом зависит не только от квалификации переводчика, но и от того, в каком стиле написан текст, который предстоит перевести. В этом случае анализируемый перевод является очень актуальным и значимым для общего понимания нюансов различных фраз, которые будут касаться перевода.

На текстовом уровне перевода по признаку полноты и способу передачи смыслового содержания оригинала принято различать:

- полный перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений;
- неполный перевод – перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями (перевод, передающий смысловое содержание текста в свернутом виде, т. е. с сокращением);
- фрагментарный перевод – перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков;
- аспектный перевод – перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора;
- сигнальный перевод – перевод, в котором указывается лишь тема сообщения);
- аннотирующий перевод – перевод, в котором отражаются лишь главная тема, предмет и назначение переводимого текста;
- реферативный перевод – перевод, в котором содержатся относительно подробные сведения о реферируемом документе: его назначении, тематике, методах исследования, полученных результатах.

Заключение

В нашей работе было продемонстрировано, что в рассматриваемых нами материалах имеются расхождения. Например, есть упущения, в том числе генерализация, добавления в целях разъяснения отдельных моментов. Они объясняются специфическим взаимовлиянием менталитета англичан, русских и якутов, а также влиянием времени и условий работ.

Также следует упомянуть, что Б. Пастернак собрал два неполных текста оригинала – кварто и фолио – в один именно с целью более подробно передать содержание драмы. Получился самый полный перевод «Короля Лира», который в свою очередь был переведен полностью на якутский язык С. Тарасовым. Именно поэтому ими был мастерски и полно передан смысл произведения. При этом многие фразы заменены на русский и якутский лад. Однако некоторые фразы в полной мере передать не удалось в связи с разницей в национальных менталитетах, поэтому наблюдаются некоторые упущения или, наоборот, добавления в целях разъяснения.

Также переводчики использовали описательный и антонимический способы. В настоящее время именно эти способы являются наиболее верными, так как способны грамотно объяснить дискурсный смысл фразы.

Стоит отметить выверенный перевод различных архаичных конструкций. Язык оригинала произведения является староанглийским. В некоторых местах эти конструкции сохранены для того, чтобы передать дух эпохи произведения. Тут переводчику важно понимать, где именно необходимо переводить, а где оставить.

Известно, что реалии преимущественно должны быть переведены путем поиска реалий в переводимом языке. Однако это не всегда представляется возможным. Именно поэтому Пастернаком и Тарасовым осуществлялся, например, поиск соответствующей пословицы, поговорки, идиомы.

Эти переводческие трансформации делают текст более эффективным и значимым. Можно сказать, что переводчик в данном случае отчасти становится творцом, так как именно он адаптирует оригинальный текст иностранного автора под реалии переводимого языка. Переводчик должен мастерски передать ментальный пласт одной нации сквозь призму ментального пласта другой нации, не изменив содержание переводимого текста.

В заключении хотелось бы сказать, что чем больше переводов классической литературы на разных языках мира или же на одном языке, но с временным различием, тем лучше, так как это в каком-то смысле обогащает литературу разных народов и времен. Произведения давно ушедших авторов обретают новую жизнь, интересны читателям разных культур, наций и времен. Именно так произведения становятся бессмертными в непрестанно расширяющемся и изменяющемся пространстве межлитературных и межкультурных связей.

Литература

1. Шкловский, В. Б. Художественная проза. Размышления и разборы / В. Шкловский. – Москва : Советский писатель, 1959. – 629 с.
2. Комарова, В. П. Творчество Шекспира / В. П. Комарова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. – 252 с. – (Филология и культура).
3. Левин, Ю.Д. К вопросу переводной множественности / Ю. Д. Левин // Классическое наследие и современность. – Ленинград : Наука, 1981. — С. 365–372.
4. Куниловская, М. А. Понятие и виды переводческих ошибок. Сборник материалов семинара «Переводческая ошибка в теории и практике перевода» / М. А. Куниловская. – Тюмень, 2008.
5. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. – Москва : Всероссийский центр перевода, 2009. – 119 с.

References

1. SHklovskij, V. B. Hudozhestvennaya proza. Razmyshleniya i razbory / V. SHklovskij. – Moskva : Sovetskij pisatel', 1959. – 629 s.
2. Komarova, V. P. Tvorchestvo SHEkspira / V. P. Komarova. – Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2001. – 252 s. – (Filologiya i kul'tura).
3. Levin, YU.D. K voprosu perevodnoj mnozhestvennosti / YU. D. Levin // Klassicheskoe nasledie i sovremennost'. – Leningrad : Nauka, 1981. — S. 365–372.
4. Kunilovskaya, M. A. Ponyatie i vidy perevodcheskih oshibok. Sbornik materialov seminarov «Perevodcheskaya oshibka v teorii i praktike perevoda» / M. A. Kunilovskaya. – Tyumen', 2008.
5. Novyj vzglyad na klassifikaciyu perevodcheskih oshibok / D. M. Buzadzhi, V. V. Gusev, V. K. Lanchikov, D. V. Psurcev. – Moskva : Vserossijskij centr perevoda, 2009. – 119 s.

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.10.42.006

УДК 811.512.1(063)

*И. Ю. Васильев***II Международная научно-практическая конференция
«Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков»,
посвященная 70-летию со дня рождения известного тюрколога,
общественного деятеля, кандидата филологических наук,
доцента Ю. И. Васильева-Дьаргыстай**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: gengiz@yandex.ru

16 декабря 2022 г. в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова состоялась II Международная научно-практическая конференция «Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков», посвященная 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата филологических наук, доцента Ю.И. Васильева-Дьаргыстай.

Организатором конференции является кафедра якутского языка ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Юрий Иванович Васильев – тюрколог-лексиколог, диалектолог, автор свыше 100 научных публикаций, первый якутский филолог, работавший преподавателем якутского языка и литературы за рубежом, в Турции, издавший в Турции 3 книги и более 15 статей по вопросам якутского языка и тюркологии. Он – первый исследователь языка удских якутов, проживающих в Хабаровском крае, сравнительных конструкций в якутском языке, первый преподаватель турецкого и алтайского языков в Якутском госуниверситете, автор сценария и режиссер научно-популярных видеофильмов, посвященных истории изучения якутского языка и тюркологии, автор около 300 статей в республиканской периодической печати.

Ю.И. Васильев – инициатор присвоения имени М.К. Аммосова Якутскому государственному университету, придания якутскому и русскому языкам статуса государственных языков в РС(Я), учреждения 13 февраля Дня родного языка и письменности в РС(Я). Он провел большую работу по увековечению памяти и изданию произведений А.Я. Уваровского, А.Е. Кулаковского, Н.Д. Неустроева, А.Д. Неустроевой, Дж. Аныстырова и др.

Вся работа конференции прошла на платформе Zoom.

ВАСИЛЬЕВ Иван Юрьевич – старший преподаватель кафедры якутского языка ИЯКН СВ РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: gengiz@yandex.ru

VASILEV Ivan Yurievich – Senior Lecturer, Department of the Yakut Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Открытие началось с пленарного заседания. С обзорными докладами и приветственными словами выступили к.ф.н., руководитель Управления по вопросам развития языков Администрации Главы РС(Я) и Правительства РС(Я) Р.Р. Жиркова, к.ф.н., директор Департамента науки и инновация СВФУ им. М.К. Аммосова Н.В. Малышева, д.ф.-м.н., директор ГБНОУ РС(Я) «Республиканский лицей-интернат» И.И. Шамаев, зам. начальника управления образования Верхневилуйского улуса РС(Я) О.Е. Филиппов, д.ф.н., профессор, г.н.с. ФГБУН «Институт филологии СО РАН» И.Я. Селютина, д.ф.н., в.н.с. ФГБУН «Институт филологии СО РАН» Н.С. Уртегешев, д.ф.н., г.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН Н.Н. Ефремов, д.ф.н., профессор кафедры якутского языка ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова Г.Г. Филиппов, д.ф.н., профессор кафедры якутского языка ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова И.Е. Алексеев, к.э.н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова П.И. Васильев, старший преподаватель кафедры якутского языка ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова И.Ю. Васильев.

Конференция работала по пяти направлениям, касающимся научно-исследовательской тематики Ю.И. Васильева. Первая секция была посвящена вопросам якутского языка и тюркологии. Из 22 заявленных докладов 10 выступлений были сделаны ведущими учеными ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН и ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова. Среди студентов отмечены работы бакалавров и магистрантов отделения якутского языка Д.Н. Еремеевой, А.А. Дьяконовой и З.Г. Адамовой.

Во второй секции было представлено 20 докладов по сравнительно-сопоставительному изучению языков. В этой секции были представлены участники из Казахстана, Республики Башкортостан, Республики Тыва, Республики Алтай и г. Тюмени. Отмечены работы бакалавров и магистрантов отделения якутского языка К.А. Яковлевой, К.М. Егоровой, Т.К. Аммосовой и А.Г. Логиновой.

В третьей секции «Литература народов России: потенциал и возможности развития» было представлено 26 докладов, в том числе выступления участников из Горно-Алтайского государственного университета, Уфимского университета науки и технологий и Специализированного учебно-научного центра (Университетского лицея СВФУ). Экспертами отмечены работы студентов отделения якутской литературы В.В. Емельяновой, Н.И. Голиковой, С.А. Черкашиной, а также ученицы 10 класса СУНЦ В.А. Мироновой.

В четвертой секции «Вопросы сохранения и развития языков и культуры народов Арктики» было заявлено 19 докладов. В данной секции, кроме студентов и преподавателей СВФУ и ИГиИПМНС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, выступили участники из Москвы, Горно-Алтайска и Уфы. Так, аспирант Горно-Алтайского государственного университета Ф.Л. Ередеева заняла 1 место, студент ИЯКН СВ РФ И.Д. Бушуев занял 2 место, 3 место присуждено студенту Уфимского университета науки и технологий А.А. Абсаликовой.

В пятой секции «Перевод в полилингвальном пространстве» из представленных 12 докладов были отмечены работы студентов 3 и 4 курсов русско-якутского отделения М.А. Андросовой, А.Н. Платоновой и А.Н. Колесовой.

На закрытии по итогам конференции руководители и модераторы секций внесли следующие предложения:

1. Систематически проводить научно-практическую конференцию «Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков», посвященную памяти Ю.И. Васильева-Дьаргыстай на международном или всероссийском уровне;
2. Опубликовать книгу о Ю.И. Васильеве-Дьаргыстай, включающую воспоминания о нем, избранные научные и публицистические статьи разных годов;
3. Провести конкурс научных достижений по итогам учебного года среди студентов ИЯКН СВ РФ и назначить победителю именную стипендию Ю.И. Васильева-Дьаргыстай.

I. Yu. Vasilev

**II International Scientific and Practical Conference
«Comparative study of Turkic languages» dedicated
to the 70th anniversary of the birth of the famous Turkologist,
public figure, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor Yu. I. Vasilev-Dyargystai**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
E-mail: gengiz@yandex.ru

On December 16, 2022, the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University hosted the II International Research Conference “Comparative and Comparative Study of Turkic Languages” dedicated to the 70th anniversary of Yasily Vasilev-Djargystay, a prominent Turkologist, public figure, Candidate of Philological Sciences, and Associate Professor.

The Conference was organized by the Department of the Yakut language, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M.K. Ammosov NEFU.

Yuri Ivanovich Vasilev is a Turkologist-lexicologist, dialectologist, author of over 100 academic publications, the first Yakut philologist who worked as a teacher of the Yakut language and literature abroad, in Turkey, who published 3 books and more than 15 articles in Turkey on the Yakut language and Turkic Studies. He is the first researcher of the language of the Ud Yakuts living in Khabarovsk Krai, of Yakut comparative constructions, the first teacher of Turkish and Altaic languages at the Yakutsk State University, a scriptwriter and director of popular science videos on the history of the study of the Yakut language and Turkology, the author of about 300 articles in the republic’s media.

Vasilev initiated the assignment of Maksim Kirovich Ammosov’s name to the Yakutsk State University, giving the Yakut and Russian languages the status of state languages in the Sakha Republic, the establishment of the Day of the Native Language and Writing in Sakha Republic on February 13. He did a great job of perpetuating the memory and publishing the works of A. Y. Uvarovsky, A. E. Kulakovsky, N. D. Neustroev, A. D. Neustroeva, J. Anastayrov and others.

All sections of the Conference were held on the Zoom platform.

The opening began with a plenary session. Review reports and welcoming speeches were made by R.R. Zhirkova, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department for the Development of Languages of the Administration of the Head of the Sakha Republic and the Government of the Sakha Republic; N. V. Malysheva, Candidate of Philological Sciences, Director of the Department of Science and Innovation, NEFU; I. I. Shamaev, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Director of the Republic’s Lyceum; O. E. Filippov, Deputy Head, Department of Education, Verkhnevilyuisky District, Sakha Republic; I. Y. Selyutina, Doctor of Philological Sciences, Professor, senior researcher of Institute of Philology SB RAS; N. S. Urtegeshev, Doctor of Philological Sciences, leading researcher of Institute of Philology SB RAS; N. N. Efremov, Doctor of Philological Sciences, senior researcher, Department of the Yakut language, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems SB RAS; G. G. Filippov, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Yakut Language, NEFU; I. E. Alekseev, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Yakut Language, NEFU; P. I. Vasilev, Candidate of Economics, Associate Professor, NEFU; I. Y. Vasilev, Senior Lecturer, Department of the Yakut Language, NEFU.

The conference worked in five areas related to the research topics of Yury Vasilev. The first section was devoted to the issues of the Yakut language and Turkic Studies. Of the 22 reported reports, 10 presentations were made by the leading scholars of the IHRNIPP SB RAS and NEFU. Among the students, there were D. N. Eremeeva, A. A. Dyakonova and Z. G. Adamova, Bachelor's and Master's students of the Department of the Yakut language.

In the second section, 20 reports on the comparative study of languages were presented. This section featured participants from Kazakhstan, the Republic of Bashkortostan, the Republic of Tuva, the Republic of Altai and the city of Tyumen, as well as Bachelor's and Master's students of the Department of the Yakut language: K. A. Yakovleva, K. M. Egorova, T. K. Ammosova, and A. G. Loginova.

In the third section "Literature of the peoples of Russia: potential and opportunities for development" 26 reports were presented, including speeches by participants from the Gorno-Altai State University, Ufa University of Science and Technology and the Specialized Educational and Scientific Center (NEFU University Lyceum). The experts noted the presentations by students of the Department of Yakut literature V. V. Emelyanova, N. I. Golikova, S. A. Cherkashina, as well as a student of the 10th grade of the SESC V. A. Mironova.

In the fourth section "Issues of the preservation and development of languages and cultures of the peoples of the Arctic" 19 reports were made. In this section, in addition to students and teachers of NEFU and IHRNIPP SB RAS, participants from Moscow, Gorno-Altai and Ufa spoke. Thus, a postgraduate student of the Gorno-Altai State University F. L. Eredeeva took 1st place, student of NEFU I. D. Bushuev took 2nd place, 3rd place was awarded to a student of the Ufa University of Science and Technology A. A. Absalikova.

In the fifth section "Translation in a multilingual space", out of the 12 reports presented, there were the presentations by the 3rd and the 4th year students of the Russian-Yakut Department M. A. Androsova, A. N. Platonova, and A. N. Kolesova.

At the end of the conference, the leaders and moderators of the sections made the following proposals:

1. To hold a regular research conference "Comparative and comparative study of Turkic languages", dedicated to the memory of Y. I. Vasilev-Djargystay at the international or all-Russian level;
2. To publish a book about Y. I. Vasilev-Djargystai, including memories of him, selected academic and journalistic articles of different years;
3. To hold a competition of scholarly achievements at the end of the academic year among the students of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East and assign a winner the Y. I. Vasilev-Djargystay's personal scholarship.

Л. Е. Манчурина

Федорова Вера Сергеевна – исследователь якутского речевого этикета

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
E-mail: manchurinale@mail.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода ИЯКН СВ РФ СВФУ (1999-2016), Отличник профессионального образования РС(Я), член лиги «Учёные женщины Якутии», талантливый методист, преподававший студентам разговорный якутский язык, исследователь якутского речевого этикета Фёдорова В.С. родилась 20 октября 1947 г. в Ленинском (Нюрбинском) районе Якутской АССР. В 1967-1972 гг. училась в Якутском государственном университете на историко-филологическом факультете. В 1972 г., получив специальность учителя русского языка и литературы, направляется работать в восьмилетнюю школу с. Тылгыны Вилюйского района. С 1983 по 1992 г. работала преподавателем в Республиканской Гражданской обороне г. Якутска. С 1991 г. начинает работать на кафедре якутского языка и литературы Якутского государственного университета.

В 90-х гг. XX века стояла у истоков создания факультета якутского языка и национальной культуры Якутского госуниверситета наряду с профессорами Г.Г. Филипповым, И.П. Винокуровым. В 1999 г. для укрепления и повышения статуса якутского языка как государственного в Республике Саха (Якутия) в головном университете республики была открыта кафедра стилистики якутского языка и русско-якутского перевода. Вера Сергеевна с самого открытия кафедры до ухода на почетный отдых проработала здесь преподавателем якутского языка, в соавторстве разработала первое поколение учебных пособий уровня начального (разговорного) уровня якутского языка, уделяя особое внимание методике обучения начального (разговорного) уровня якутского языка. В 1998 г. вместе с профессором Т.И. Петровой опубликовали двухгодичный курс разговорного якутского языка для студентов неязыковых подразделений университета под названием «Саха тыла. Начальный курс якутского языка». Научно-обоснованная структура и практико-ориентированная методика данного учебного пособия позволяли за короткий срок дать студентам основы якутского языка, развивая не только навыки понимания, но и говорения. Вера Сергеевна также вела курсы практического русского языка, читала дисциплину «Якутский речевой этикет» для студен-

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

тов-филологов по направлению русско-якутский перевод. Она известна своей наставнической работой с молодыми преподавателями вновь открытой кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода. Чуткий и добрый человек Вера Сергеевна деликатно вводила их в преподавательскую деятельность.

В 2003 г. Федорова В.С. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формулы якутского речевого этикета» по специальности «Языки народов РФ. Тюркские языки (якутский язык)». Она была преисполнена благодарностью к своему научному руководителю академику АН РС (Я) П.А. Слепцову. Федорова В.С. является первым учёным, начавшим исследование речевого этикета в якутском языкознании. Предметом её исследования стали традиционные, исконно якутские, заимствованные и новые формулы речевого этикета, функционировавшие в бытовом разговоре, художественной речи, официально-деловом стиле якутского языка и в героическом эпосе олонхо. В 2009 г. опубликовала учебное пособие «Речевые формулы якутского этикета», которое в 2013 году получило гриф УМО по классическому университетскому образованию. Вера Сергеевна выработала своеобразный синтез исследовательской темы со своей преподавательской деятельностью. Она использовала якутские речевые формулы этикета как прием создания заинтересованности на своих занятиях по разговорному якутскому языку. В 2015 году написала параграф «Стилистика обращений» коллективной монографии сотрудников кафедры «Очерки по стилистике якутского языка».

Она автор более 35 работ, её основными научными трудами являются «Формулы якутского речевого этикета: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук», «Речевые формулы якутского этикета: учебное пособие», статьи «Формулы якутского речевого этикета», «Извинение в русском и якутском речевом этикете», «Об особенностях русского и якутского речевого этикета», «Речевые средства вежливости в русском и якутском языках» и другие.

Вера Сергеевна ушла из этой жизни 15 ноября 2022 года.

Научно-исследовательскую и учебно-педагогическую деятельность Веры Сергеевны продолжает её дочь – Сардаана Ивановна Прокопьева – доцент кафедры «Иностранные языки по техническим и естественным специальностям» СВФУ, которая исследует регионально-этнический подход к иноязычному обучению школьников и студентов в Республике Саха (Якутия).

Прекрасный методист-разработчик учебных пособий уровневого обучения якутского языка, грамотный специалист по проблемам сопоставительной грамматики якутского и русского языков, талантливый исследователь, умный, добрый, мягкий и отзывчивый человек – таким останется Вера Сергеевна в памяти своих учеников, коллег и современников.

Выдержки из научных работ:

– «Анализ якутских этикетных формул приводит к выделению трех больших групп: 1) старые, традиционные формулы, существующие многие века, 2) формулы, появившиеся в рамках определенных социально-исторических периодов, используемые на различных социокультурных уровнях, подразделяющиеся на исконно якутские и заимствованные и 3) новые лексико-семантические формулы, появившиеся в результате взаимодействия форм саха и русского этикета»

– «Среди приветственных этикетных формул в якутском языке особое место принадлежат словам *кэпсиэ, кэпсээ, кэпсэлин, кэпсээнин, сэхэргээ, сэхэнин* с общим для всех значением *здравствуй*, буквально переводятся как *рассказывай, повествуй*. Синонимический ряд в данной ситуации представлен фонетически разнородными структурами».

L. E. Manchurina

Vera Sergeevna Fedorova, researcher of Yakut speaking etiquette

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

A Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation of the NEFU Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation (1999-2016), Excellence Award in professional education of the Sakha Republic (Yakutia), member of the Female Scientists of Yakutia League, talented methodologist who taught the colloquial Yakut language, researcher of Yakut speaking etiquette, Vera Sergeevna Fedorova was born on October 20, 1947 in Nyurbinsky District of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. In 1967 – 1972, she studied at the Faculty of History and Philology, Yakutsk State University. In 1972, she graduated as a teacher of the Russian language and literature and was assigned to an eight-year school in the village of Tylgyny, Vilyuisky District. In 1983 – 1992, she worked as a teacher in the Republic's Civil Defense Office in Yakutsk. Since 1991, she began working at the Department of the Yakut Language and Literature, Yakutsk State University.

In the 1990s, Fedorova stood at the origins of the Faculty of the Yakut Language and Culture, Yakutsk State University, along with Professors Gavril Filippov and Ivan Vinokurov. In 1999, in order to strengthen and improve the status of Yakut as the state language in the Sakha Republic (Yakutia), the Department of the Yakut Stylistics and Russian-Yakut translation was opened at the head university of the republic. From the very opening of the Department until her retirement, Fedorova worked there as an instructor of the Yakut language, co-authored the first generation of teaching aids for all levels of teaching Yakut, paying special attention to the methodology of teaching the elementary (conversational) level of Yakut. In 1998, together with Professor Tamara Petrova, they published a two-year course of conversational Yakut for students of non-linguistic departments of the university titled “Sakha Tyla. Elementary course of Yakut”. The academic structure and practice-oriented methodology of this textbook made it possible to teach basic Yakut in a short time, developing not only comprehension skills, but also speaking. Fedorova also taught practical Russian courses, read Yakut speaking etiquette for philology students specializing in the Russian-Yakut translation. She is known for her mentoring work with young instructors of the newly opened Department of the Yakut Stylistics and Russian-Yakut translation. A sensitive and kind person, Fedorova delicately introduced them to teaching.

In 2003 Fedorova defended her candidate of science thesis «The formulas of the Yakut speaking etiquette» in the field «Languages of the peoples of the Russian Federation. Turkic languages (Yakut language)». She was grateful to her supervisor Academician of the Academy of Sciences of Yakutia Pyotr Sleptsov. In 2009, she published a textbook «The formulas of the Yakut speaking etiquette», which was approved by the Department of Methodology for classical university education in 2013. In 2015, she contributed a chapter «Style of Addresses» to the collective monograph of the Department «Essays on the style of the Yakut language».

She is the author of over 35 works, including «The formulas of the Yakut speaking etiquette: a dissertation for the degree of candidate of philological sciences», «The formulas of the Yakut speaking etiquette: a textbook», articles «The formulas of the Yakut speaking etiquette», «Apology in Russian and Yakut speaking etiquette», «On the features of Russian and Yakut speaking etiquette», «Speech means of expressing politeness in Russian and Yakut languages» and others.

Vera Fedorova's research and teaching activities are continued by her daughter, Sardaana

Ivanovna Prokopyeva, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Technical and Natural Sciences, NEFU, who explores the regional-ethnic approach to foreign language teaching of schoolchildren and students in the Sakha Republic (Yakutia).

A talented methodologist and developer of teaching aids for different levels of teaching Yakut, a competent specialist in the field of comparative grammar of the Yakut and Russian languages, a talented researcher, a kind and gentle person – this is how her contemporaries will remember Vera Sergeevna Fedorova.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 1 (08) 2023

Технический редактор *Н. В. Дмитриева*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.03.2023. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.03.2023.